В мире животного (История одного нашествия)

Александр Владимирович Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как писали в советские времена — книга об ответственности ученых за свои открытия.

Из лаборатории вырывается на волю результат смелого генетического эксперимента — одержимый жаждой убийства монстр с суперспособностью адаптироваться к окружающим условиям.

Человечеству в очередной раз предстоит доказать, что оно имеет право на существование на этой планете.

- Александр Тюрин
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
    - 1
    - 2

Александр Тюрин
В мире животного
(История одного нашествия)

Он был сильный зверолов перед Господом

Берешит, 10,9

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Завелся у меня неожиданный дружок — не приведи Боже таких много. Он важными сведениями со мной поделился, что мне боком выйдет когда-нибудь; помнится, один прогрессивный деятель приговаривал, разряжая ствол, приставленный к умной голове: “Слишком много знает”.

Святочная история начиналась так. Впрочем, это была не зима, а замечательная осень со здоровым ядреным воздухом и уважаемым мужиком — все в духе поэта-охотника. Наш охотник являлся, по счастью, поэтом только в душе. Звали его Дуев Родион Михайлович, был он начальник какой-то Камчатки, если точнее, директор научно-производственного монстра, и вдобавок его рефлекторные дуги включали органы власти. В общем, весомый человек и тонкий любитель охоты. Тонкий, но своеобразный, дед Мазай наоборот. Гонять зайца, поджидать в засаде друга желудка — кабана, травить лиса, поднимать важную птицу — это не его стихия. Родиона Михайловича интересовали совсем другие вещи. Он просил — а кто откажет такому уважаемому человеку — чтобы в те кормушки, куда сыплется жрачка-подкормка для животных, мы добавляли его порошка. От дуевского снадобья зверь становился мечтательный, полудремлющий, подпускал директора на десять шагов и просыпался уже от первой пули. Но спектакль был еще впереди. Родион Михайлович никогда не стрелял в башку, начинал он с ноги, бока или загривка, ну и развивал тему помаленьку. Наверное, удовлетворял какую-нибудь потребность. Надеюсь, что подчиненные Дуева регулярно сталкивались с его способностями. А вообще, Родион Михайлович животных любил, особенно тех, у кого вкус получше.

Познакомились мы, когда я отдыхал у мужика-егеря в заказнике, изредка постреливая в клопов и мух. Временами отдыхал и от отдыха, помогая лесному человеку по хозяйству в знак признательности за приют. По ходу дела ошивался неподалеку от Дуева. Егерь в классическом советском стиле перед значительным товарищем холуйствовал, скалился шуткам, подносил-уносил, и мне по эстафете приходилось. В заказнике кроме развлекательной стрельбы, приятной баньки, соленых грибков Родион Михайлович уважал монологи. Свои, конечно. Мы с егерем обслуживали ему такой вид удовольствия. Поваляется он с солисткой балета у себя в номере и, спустившись в гостиную, рассуждает о разном среди мореного дуба, подергивая щипчиками красноглазые угольки. Передо мной и

егерем Евсеичем оживала юность Дуева, проведенная в дерьме, молодость, когда подбирал он клавиши к людям, и зрелость, в которой научился вдыхать и выдыхать ближних и дальних, как воздух.

После десятой рюмки скотча (хаф-на-хаф с содовой) Родион Михайлович светлел ликом и рассказывал о тайне власти. И получалось, верь не верь, что никакой власти в помине нет. Простые граждане подобны цветам, Дуев и похожие на него, напротив, смахивают на пчелок. Пчелки совместными колхозными усилиями опыляют цветы, давая возможность прорастать им пестрой толпой. А взамен за свою работенку заботливые опылители всасывают там и сям капельку нектара. Эта жидкость — сгущенный жар цветочной души, заплетающимся, но восторженным ртом пояснял сосальщик. Где-то после четырнадцатой рюмки командир, однако, мрачнел, разоблачался до майки и трусов, затем выдавал тайну тайн. Он и его ближние не могут вполне переварить нектара, который, проходя по их кишкам и выбираясь наружу, становится медом. А этого добра Дуев сотоварищи безжалостно лишаются. Кто-то косматой лапой сгребает себе сладкое золото кала. Стиснутое обидой, затухало бормотание морды, растекшейся по ковру. Дошедшего до момента истины человека споласкивали водой и, обтерев насухо, несли в койку.

1

Я в охранном бюро уже три года. Кому ни расскажи, что работаю вышибалой мозгов, никто не верит. И правильно делает, между прочим. Я тоже не уверен, что способен бабахнуть кому-то по кепке; хотя десятку, в принципе, пробиваю так же бойко, как Петр Ильич пишет свои симфонии. Однако, задача у меня может быть суровее, чем у стрелка в цирке, который с подружки яблоки сшибает. Надо засечь момент, когда из вражеского кармана высунется "черноглазый" ростом в девять миллиметров, и уж тогда делать "стоп". Мы — хлопцы негосударственные, поэтому имеем право возразить оружием в пределах так называемой допустимой обороны. Например, прыгает на меня кто-нибудь с нунтяками или, например, пудовыми кулаками, а в кобуру лезть не смей. Учитывая мои особенности, придется улепетывать. Бегаю я классически, как товарищ на древнегреческой вазе. А вот в рукопашном поединке мне не позволяет отличиться ненависть к побоям и слабая, в определенном смысле, голова. Некоторым же нравится, когда их бьют доской по тыкве. Где я лямку тянул, вернее, мудистикой занимался, даже в моей роте были такие бойцы. Я же там в беге тренировался, когда зимой, образуя тепло, ногами в койке сучил. Мне еще в армии поспособствовало, что я после учебки в писари угодил. Пришлось специализироваться на сочинении любовных писем для нашего капитана. Адресаты у него, помню, не застаивались, но каждый раз подавай ему новые фразы. Ну, и я под конец обнаглел. Пока он не обслужит меня как бармен в пятизвездочном отеле, ничего я очередной "Лауре" не пишу. Матерится он, будто царского времени извозчик, а не красноармеец, но херцу-то не хочется покоя…

Я и нынче, бывает, между фразами "дежурство принял" и "дежурство сдал" изготовляю всякую фигню за мелкую монету, сценарики для рекламных роликов или компьютерных игр. Но это лишь отголоски. Я, вообще, два года ничего полезного не делал, только самовыражался, хотел на полку районной библиотеки попасть между Гоголем и Герценом (моя фамилия Гвидонов), чтоб меня жадно читали даже в уборной. Сляпал роман и три повести, послал по экземпляру каждого магнус опуса в три разные редакции. Ну и меня в ответ послали. Кто уверял, что мое творчество не для толпы, лучше завести попугая и декламировать перед ним; кто посоветовал чаще открывать книги приличных писателей; кто меньше списывать; а кто больше упражняться в сексе. Как бы не так, жена все два года поиски не разделяла, и подъехать с рекомендованными упражнениями я к ней мог разве

что во всенародные праздники. В остальное время ее половая жизнь подозревалась и была под вопросом, хоть приделывай к срамным органам потенциометр с самописцем. Впрочем, я быстро оставил надежду ее проконтролировать. Как-никак, первый разряд по кик-боксингу у моей супружницы, только пальцем тронь, сразу на моей морде отзовется. Наконец, догадался я, что из меня писака и семейный человек, как из говна пуля, а фамилия моя годится лишь для заборных надписей.

В самый первый раз сочинительство жизнь мне разрушило на третьем году института. При расчете курсовой работы по всяким кривошипам и шатунам я серьезно уклонился в сторону и навычислял фуфла про гравитационные волны. Получилось у меня, что пока мы с каким-нибудь кривошипно-шатунным механизмом на одной волне, то сосуществуем вместе, а только на разных оказываемся, сразу друг для друга рассыпаемся. Вот такова была моя лебединая песня в сфере образования.

Но ничего, я свое “я” найду. И открою тогда собственное охранное бюро или там булочную, или стану чистить южанам ботинки на вокзале. Главное, что смогу в любой момент встать, взять свои манатки и уйти в любом направлении. А пока что, изволь двенадцать часов на стуле “отпахать”, если это слово уместно. Можно, конечно, журнал, насыщенный девками, полистать или помозговать рекламный ролик, но разлитая по рубке грусть-тоска словно переваривает меня. Через мониторы набрасываю взгляд на вымоченные в желтом свете подходные дорожки, и глаза киснут. Ни одна сволочь не пробежится, затаилась она и, посмеиваясь золотящимся ртом, что-то планирует. Разве не заинтригует воров хоромина, напичканная оборудованием, как огурец семечками? Фирм с компаниями тут, что мусора. Разве им не понравится, что здание технопарка на этаком отшибе, на месте бывшей гатчинской овощебазы, и долгими вечерами-ночами здесь пусто, как в животе у жителя Бангладеш, в смысле, людей негусто… Вот сегодня, едва звездочки покатились по небу, поковыряться в науке лишь доктор Файнберг и его верная помощница Нина остались. И, конечно, большие сомнения у меня, занимается ли эта парочка той самой эволюционной машиной, или на повестке у них то, что в эволюции не нуждается. В норке, куда они затырились, в компьютерном центре, нам подсматривать видеокамерой нельзя — ученые стесняются, хотя все для их же блага. Впрочем, я при каждом обходе доктора с лаборанткой навещаю, не боясь показаться назойливым. И что интересно, раньше Файнберг с Ниной располагались на почтительной дистанции, а теперь притянулись на расстояние вытянутого пальца, как Абеляр с

Элоизой. Никого, правда, осуждать я не намерен, изогнув брови домиком. Нина — дама местами интересная. Рот — как косяк у ворот, ноги — что столбы на дороге, глаза — для бандитов тормоза, ягодицы — как две перелетные птицы, так, наверное, выразился бы автор “Песни Песней”. Зачем же время убивать на скоротечные научные достижения? Однако, хочу сказать в свою пользу, захожу к ним не только, чтоб со скуки роман их подсматривать, но заодно и поесть пищи для ума. Эволюционная машина доктора Файнберга — это в сущности программа такая — определяет, какие мутации зверью пригодятся, а от каких проку не будет. Заодно вычисляет, что за свойства у тварей от того прогресса могут объявиться. Меня пробрало лишь то, что запросто какие-то животные разживутся способностями гробить нашего брата, разумного примата, похлеще, чем у пулемета и танка. Правда, Файнберг утешает, дескать, расслабься, браток, эдакие пожиратели и истребители естественным путем придти к нам не могут. Природа, по его мнению, подслеповата и занимается простым перебором вариантов. А вот Самуил Моисеевич, в отличие от природы, и чутьем, и матметодами выискивает самую интригующую траекторию изменений. Он при мне на графическом экране малевал эти траектории. Вырисовывается в результате усилий что-то вроде цветика-семицветика, а потом такая мазня эволюционной машиной интегрируется в ряд жутких образов, самый последний начинает еще прыгать и выть — что, доложу вам, будет похлеще всякого мультфильма. Какая-нибудь харя с экрана тебе улыбнется, считай, настроение на день испорчено. Хотя и не исключал док, что иногда природе кое-кто помогает поумнеть против обычного. Вот, например, до потопа царил такой серьезный неслучайный зверь, как змей, он же дракон, которому удалось набедокурить даже в райском саду. Само собой, что и наш общенародный предок тоже вырос под особым присмотром. А почему нет никакой культуры в море? Потому что там акулы, которые сами не слагают поэм и другим не дадут. Но зато они — биологическое совершенство.

И с этой забавной чепуховиной носился Моисеич, не расчесав всклокоченной головы, в свое свободное время. Естественно, ничем другим он не занимался и в рабочие стулочасы. Начало такой, с позволения сказать, деятельности было положено, когда из-за бугра прибыл консультант концерна “Ай-Би-Эм” доктор Шмуэль Файнберг. И за смехотворное для птицы такого полета денежное довольствие — “пернатый” наглядно смеялся, глядя на зарплату — стал консультантом товарищества “Гаврилов и компания”. Что товарищи отмечали при помощи интенсивного

пьянства как неслыханную удачу. Потом уж выяснилось, если Шмулик и работал в “Ай-Би-Эм”, то не больше трех дней. Явился одесский ховер Моисеича и проявил до поры темную кинопленку Файнберговой жизни. С десяток лет тому, раздувшийся от идей Самуил перебрался с мансарды дома номер три по Малой Арнаутской в академические круги Иерусалима, Кембриджа и Гарварда. Однако там “дичок” не прижился, лишь стал известен как тот, кто не имеет приличного образования и признанных работ, зато собирается быть на передовом рубеже науки и переключать лаборатории на изучение ведомых лишь ему эволюционных сюрпризов. Также не задержался Файнберг ни в одной из фирм как человек, мало интересующийся производственными заданиями. В конце концов “там” он приобрел некоторую, увы, целиком отрицательную известность, и, оставив жену у одного знакомого ученого, а дочку в израильских ВДВ, повернул назад. Через неделю он полностью засветился и на последнем месте работы. Однако, бывший таежный охотник Гаврилов из упрямства — того самого, с которым подстерегал сохатого — оставил не признанного никем ученого у себя. Правда, попросил маячить в рабочее время перед другими сотрудниками как можно меньше. Естественно, что и область смешного — деньги — резко сузилась. Но судя по плавленным сыркам, которые поглощал вдумчивый Самуил Моисеевич, многого ему не требовалось. Наверное, Нина была среди тех редких личностей, на кого Файнберг производил впечатление “крупного спеца оттуда”, с которым она рано или поздно отправится “туда”. Такая наивность делала ей честь по нынешним ушлым временам. Может, отчасти ее гипнотизировали невоплощенные демоны Самуила Моисеевича.

Все-таки посеял в каменистом грунте моего сердца семена боязни этот пресловутый ученый. А ведь совсем было дрейфить перестал. Уже не боялся двоек, “сундуков”-прапорщиков, триппера, ментов и таких красных уголков пыток, как кабинеты зубных врачей. Кстати, последний мой визит к частной отличной дантистке, рекомендованной хорошим знакомым, протекал так. Принимала она в рубашке и колготках; несмотря на успокаивающую музыку с охами и вздохами, от первого же прикосновения бора я встал на дыбы. Женщина не унималась, вывернуться без риска быть пропоротым я не мог, потому и схватил ее за талию. Дантистка приняла жест за начало, стала форсировать события, и я не отставал из-за надежды облегчить свою участь. Одну участь я облегчил, а вот другую утяжелил: в конце веселой недели обнаружил себя под венцом вместе с этой мало знакомой мне дамой. Таким образом, зубовный ужас привел

в действие механизм моей женитьбы, который, по счастью, на нынешний день уже израсходовал весь свой завод. Не послужило ли мне это уроком бесстрашия? Отлично послужило. И вот результат. Некоторые дергаются или даже потеют при виде змей, червей, пауков и крыс. Я же к ним отношусь приветливо. На мой взгляд они не хуже других. У меня проживала, пока не сдохла от обжорства, ручная, как мне иногда казалось, крыса. Я еще славен тем, что тапком не тронул ни одного паука и за тараканами всегда наблюдал с нескрываемой симпатией, а не со злобным недовольством, как некоторые.

Однако позавчера, благодаря стараниям дока Файнберга, пришлось сдрейфить по-настоящему, без всяких прикрас. Выбрался я из-под земли на станции метро “Приморская”, не бежал, задрав штаны, за попкой в “варенке”, а шел домой отдыхать от своей монотонной службы. Темно уже, я отдых начинаю с того, что опускаю взгляд в небесный погреб — кстати, пару раз такое начало в глубокой луже заканчивалось. Вот глянул я и весь внутренне заиндевел. Черный бархат неба проколот, и сквозь пятнышки сочатся красно-зеленые лучи, напоминая в целом граненый стакан или колпак. Как привлечь внимание прогрессивной общественности? Не будешь же посторонних злых людей за рукав хватать. Я застенчивый, поэтому могут мне и авоськой заехать, и газовым баллоном прыснуть. Но тут же сообразил, что раз я первый их заметил, то мной они займутся особо и отдельно. Сразу втемяшилась в башку такая дикая мысль, хоть я и не умственный дикарь. Ведь не купишь же меня всякими фраерскими байками про мужицких заступников, капиталистов-эксплуататоров, русских этрусков, предводителей-пассионариев с вечным жаром в заднице, про У-райские горы, с которых великий йог Шива, он же Сивый, свел русичей, про благодать, спускающуюся на каких-то деревенских олигофренов. Чем мои “стаканы” лучше?

Но уже вчера я постарался о колпаке забыть. Без особого сопротивления вылетают из меня, как из распахнувшегося портфеля “дипломат”, всякие изнурительные мысли, когда я балуюсь, вернее, своеобразно тружусь на своем аппарате “Охота всех времен и народов”. Раньше у меня имелась установка “Охота в джунглях”, но я добился второго в целом Питере результата, и фирма за спасибо притащила усовершенствованную машину. Если дал промашку, она портит воздух — такое вот наказание. Пальба не только по готовым зверям, вшитым в память установки, но и по тем, кого сам спроектируешь. Ну, я постарался в стиле дока Файнберга. Приятно напасть не на какого-нибудь левика Леву, а на урода с зубами-серпами и лапами-мясорубками.

Видеоряд в моей киснущей голове внезапно обрывается, потому что прилетает вдруг вопль из породы самых надсадных. Тут у меня непродуктивные мысли табуном понеслись. И про колпак, и про кучу добра, которую надо стеречь с почти связанными руками. Правда, неслись табуном они только одно мгновенье, потом я вскочил, взвел курок своего нагана; как раз на мониторе, то есть в коридоре четвертого этажа, появилась Нина. Она покачивалась, как молящийся сектант, и странно раскрывала рот, как участник пантомимы. Может, мы еще в границах нормального? Просто в порыве страсти безнадежной Файнберг набросился на нее, как пес на баранью ногу, а она ему случайно откусила какую-нибудь настырную деталь. Я даже немного обрадовался — сейчас разряжусь за их счет. Включил у телефона автоответчик и отправился, ликуя, на третий этаж. Пока ждал лифт, готовил язвительные слова, укоряющие Нину за виктимность, ну и, конечно, обличения в адрес старца, подкравшегося к слабо одетой Сусанне. Дескать, взяли вас сюда, уважаемый Самуил Моисеевич, за рвение головы, а не причинного места; теперь понятно, какой вопрос у вас болит…

Когда я, наконец, доехал, Нина торчала еще в коридоре, выжатая и пожелтевшая, как сухая курага. От ее вида я заготовленными словами сразу поперхнулся и, с пальцем на спусковом крючке, вступил на квадратные метры компьютерного центра. Только я там оказался, сразу взмок. Я вначале красную лужу увидел, очень яркую на сером фоне, а потом уже, за креслом, тело навзничь, из которого она натекла. Стал разглядывать распознавательный знак лица. Но знак весь залит. Как же иначе, когда в голове застрял клин. Заколочен в правый висок. Однако костюм, с характерной потертостью на заднем месте выдавал доктора Файнберга. Йисгадал вэйискадаш шмэй рабо… может, тебе нужны слова древнего прощания, док. От возбудившейся крови забил колокол в ушах. А что если некий клинописец, смачивая губы слюной, выбирает следующей целью мой кумпол. Вдруг сама Нина? Овечка овечкой, а сейчас развяжет еще один узелок на ниточке жизни. Я согнулся, как получивший под дых, отскочил “закорючкой” к двери, осторожно выставил глаз из-за косяка. Стоит себе, скулит в тряпочку. Юбчонка в обтяжку, свитерок тоненький, где тут спрячется еще одна долбилка для головы или какая другая убойная штука. Я, опускаясь по обезьяньему примеру чуть ли не на пальцы, прочертил кубик комнаты вдоль, поперек и вокруг. Но никаких подсказок. Стекло оконное тоже целенькое. Скатился по лестнице в рубку, проверил записи всех видеокамер, пленка замазана только застоявшимся воздухом. Кипящей до булькания головой

вспоминаю строки из какого-то приказа: “Эмиссаров, изменников, космополитов немедленно задерживать и подвергать допросу”. Хоть слова не из той оперы, но я возвращаюсь к тошнящей Нине, хватаю за зыбкие плечи и требую ответов на все вопросы. А она вместо ответов приникла ко мне и лопочет: “Пили кофе, задача на исполнении была. Самуил Моисеевич поднялся, стал вроде вглядываться в угол, даже глаза прищурил. Вдруг звук… будто бутылку шампанского откупорили. И сразу брызги из головы…” Если разыгрывает меня, то ловко. А если невиноватая, то может с катушек свалиться, станет как Офелия — без обувки с чушью на устах бегать. На всякий пожарный утешаю ее:

— Ничего, Нина, это бывает, нормальное убийство.

— Нормальное, да? — с надеждой отозвалась Нина и даже потерлась об меня. Я ее телесность почувствовал через куртку, кое-какие мысли, вернее, эмоции посторонние зароились. Но прикрывать даму собственным телом от бандитского клина не стал, а, напротив, оповестил службу любителей здорового быта, то есть РУВД. Там мне грубым и заспанным голосом велели не рыпаться, ничего не трогать, не пытаться что-либо спрятать. Однако мчались резкие люди из органов сорок минут, или, может, решили еще покемарить. Я после своего звонка в отведенное мне время рыпаться не стал, правда, перетащил Нину в холл, чтоб была под присмотром, а сам в свою будку-рубку — готовить к приезду следователей собственную версию. Однако, несмотря на все потуги версия не слепилась. Была, конечно, слабая зацепка. Файнбергу что-то померещилось в уголке. Ну, если бы там злодейская морда торчала и прицеливалась, то доктору было бы незачем вглядываться и щуриться. Тут уж тикай или ори. Файнберг мог высматривать только что-нибудь небольшое, веселое, вроде крысы. Я ведь встретился в коридоре с кусочками дряни, похожей на крысиное дерьмо.

Очень пришлось пожалеть, что впустил ментов. Когда поздно было, своим задним, самым сильным умом сообразил, что вначале стоило сюда начальника бюро высвистать. Он бывший “органист” и повадки этой стаи знает. Вместо того, чтоб вынюхивать след подлеца или хотя бы с Ниной лялякать, внучки Феликса Железного за меня взялись. Револьвер попросили посмотреть, а когда надо было отдавать, фигу сальную показали. Про бюро мое всякие низкопробные параши пускали, дескать, это нажопник для мафии и дельцов. Я все стерпел; так сказать, не ответил плевком на плевок. По их тяжелым мутным взглядам понял, что обшаривать углы и щели, выуживая мокрушника, им будет скучно. Капитальным людям довольно, что я у них в кармане, раскрутят меня на своем “чертовом колесе”, и дело в

шляпе. Оттого и вопросы дешевые задавали. Злобничал ли на ученого из-за Нины, балуемся ли мы втроем бухалом, травкой и оргией, есть ли у меня царские монеты, не добывал ли мой соперник золото из электронных плат. Я оборонялся тем, что раз пятьдесят предложил прокрутить видеозаписи со всех камер, особенно с той, которая мне в затылок пялится. Но мусора видеозаписью заинтересовались, лишь когда старший группы капитан Белорыбов отплясал над трупом и познакомился с ним поближе через компьютер МВД. К несчастью для тела выяснились его фамилия-имя-отчество, а также другие обстоятельства личной жизни. Поступившие справки отнюдь не украсили Файнберга в глазах Белорыбова. Напротив, капитан стал виртуозно импровизировать на тему безродного космополита, меняющего одну родину на другую для увеличения “парнуса”. По наличию иудейских словечек во владении следователя, я сразу догадался, что, в первую очередь, он специалист по гражданам с выдающимися носами типа “шнобель”. Я, конечно, печалиться не стал, когда Белорыбов отвалил от меня в другую сторону, но не удержался, вякнул. Мол, было бы неплохо для всех, если бы Файнберг гонялся за хрустами, а не за туманом. Капитан быстро, как эхо, поинтересовался, в кого у меня такие черные маслянистые глазки. Я спокойно его выпады отфутболил: мои глаза-бусинки от татаровьев злых и братьев-мусульман. Капитан, съев “пилюлю”, сразу успокоился, такие специалисты мусульман уважают, они вообще к любой силе с почтением относятся. Наконец, добряк Белорыбов совсем угомонился, примирительно сказал, что на сей раз голову спасти не удалось, да и умчался сотоварищи и трупом пострадавшего. Увы, уцелей Файнберг с небольшой раной, капитан Белорыбов поколдовал бы над Уголовно-процессуальным кодексом, превращая потерпевшего в подсудимого, за статьей дело не встало бы. Как же ты не почувствовал, док, какие на тебя любители здесь найдутся?

2

Несколько дней жил под впечатлением. Менты не доставали, только пару раз к ним сходил. Даже наган отдали в пакетике, а я им взамен конфет подарил. Я все газеты изучал, торопился к открытию киоска, так же, как морячок, всплывший из подводного плавания, в ресторан. Хотел узнать, чиркнули ли где-нибудь про колпак или смертельные клинья. Но вместо того, чтоб об этом страдать, газетки давились разным фуфлом. “Консервные” листки, то есть консервативные издания вызывали сладкий зуд своими ужасами и катастрофами, заговорами и заклинаниями, поэмами про колдунов Абрамычей и святителей с безупречными фамилиями. А “каловые” газеты — те, что от радикалов кормятся — радовали меня расхристанными дамочками, которые у них по всем страничкам снуют, бегающими по морям-волнам яхтами, красивыми зубами, смачно кусающими пеструю яркую жвачку, да инструкциями по изготовлению сотен тысяч и миллионов за месяц-другой. Потратился я на бумажную продукцию, хотя привык денег зря не расходовать — все на коньяк и водку — а что узнал в итоге? Что все землетрясения от греховодниц в кружевных панталонах. Что с затеями да идеями нынче не миллион сколотишь, а попадешь в плотные слои руководящих “консервов”, таких, как Дуев, где высохнешь и упадешь в кучу мусора пожухлым листиком.

Следующее дежурство ничем особенным от предыдущего не отличалось, за исключением того, что обошлось без людских потерь. Я револьвер перед собой положил, все дрессировался, цапая его и наводя на лампочки. Боеготовность росла, мишеней хватало и, должно быть, не только у меня. Этим вечером целая кодла коптела, как я выведал, над жидкостными МГД-генераторами. Я, конечно, донимал эмгэдэшников своими звоночками, все ли еще живы-здоровы? Они мне отвечали, скрипя челюстями, как мелкому надоеде, вроде комара: а ваше здоровье? животик не болит, в попке не свербит? Кстати, такое поведение было вполне оправдано. Они не знали, что случилось с Файнбергом. Сочным рассказом я мог бы сделать их грустнее, но Белорыбов решил иначе, и мой пахан в бюро с ним согласился. Застрессованную же Нину послали колотить по клавишам в какую-то особую комнатку и в час дня неумолимо спроваживали домой. При неизбежной встрече со мной на вахте она словно слышала “хенде хох” и, взметнув пропуск, сразу шарахалась вперед. Кажется, капитан Белорыбов ей что-то напел про меня невдохновляющее. А я бы, между прочим, пообщался бы с ней

бед-на-бед, конечно, по истечении траура. Правда, в отличие от доктора Файнберга, я вряд ли способен пробудить какие-либо радужные надежды или мечты о светлом будущем. Стороннему наблюдателю с первого взгляда на меня бросается в глаза, что я не стану богатым, умным и красивым даже при хорошей рекламе и поддержке прессы. Именно поэтому красавицы бегут от меня, как от зверя. А впрочем, посади рядом со мной любого эрудита-лауреата и пусти нас играть. Например, кто больше слов назовет из трех букв. Я себя аутсайдером в этом деле не считаю. Могу еще в “балду” и в “города” посражаться. Я в конце армейской службы, когда напряженка уже отошла в былое и думы, все изучал толковый словарь и географический атлас. Другая литература в ротной канцелярии не водилась.

В срок со второго на третье дежурство я преодолел путь от человека прямоходящего, он же хомо эректус (извините за выражение), до человека почти-разумного. Даже стал мучительно думать. Чтоб поменьше мучиться, делал себе местную анестезию в виде стаканчика столичной. В результате такое умозаключение получилось. Раз Файнберг, гражданин с прибабахом и приветом, тем не менее стал нужен кому-то в совершенно молчаливом виде, значит был намного глубже, чем всем казалось. Выходит, и в его лепете блистали умственные перлы, которые один Гаврилов третьим глазом смутно различал. Может, док рассекретил кого-то, кто должен был явиться в конце траектории изменения, вдруг эволюционная машина разоблачила некоего грядущего жлоба? И колпак был не случаен, не за мной он приглядывал, а охотился за Файнбергом. Однако связь между колпаком и основной уликой — крысиным дерьмом — не прощупывалась. Это и довело меня в итоге до тяжелого расстройства желудка. Ведь для стимуляции работы мозга пришлось налегать на сахар, содержащийся в домашних наливках и заводских портвейнах. Поэтому на третьем дежурстве, успокоив душу и тело фталазолом, делал я безыдейные наброски к рекламным роликам.

В квартиру Наташи Ростовой из ста комнат входят друг за другом Иван Грозный, Петр Великий, Лев Толстой и еще какой-то джигит с конем. Через девять месяцев у Наташи родится сынок. Знаменитый вопрос: кто виноват? В виде ответа на диване одной из ста комнат лежит без сапог счастливый отец Лев Толстой. Вот единственный из посетителей девичьей светелки, кто бежал на улице от пирожков государственного жиртреста “Мясо-Сила”, зато умял пирог с капустой торгового дома “Зеленые братья”. Дурь, конечно, но есть в ней и внушение, и контрпропаганда.

Интеллигент настигает в чистом поле Буденного, Семен Михайлович с удивлением оборачивается и, крякнув, разрубает

догоняющего очкарика от головы до седла. “Я ж хотел быть ближе к народу”,— говорит пострадавший и делится на две половинки. “Ты бы, мать твою, какой-нибудь знак подал”,— огорчается честный рубака. Хотите на место интеллигента? Если нет, то быть ближе к народу вам позволит чеснок торгового дома “Зеленые братья”! Его запах говорит о вашем присутствии и духовном родстве на расстоянии до двадцати метров.

Так я заигрался, что едва вспомнил мужика с вихрастой бородой, ученого Веселкина, специалиста по жидкостным МГД-генераторам. Он сегодня единственный пузырек из той пены, что в прошлый раз обтекала гранит науки. Не вдруг вспомнил, а после того, как мелкая тень шмыгнула по холлу. Как-нибудь догадался, что это оптический обман и объегоривание, как в тот раз, когда я принял Петра Филимоновича за Раиса Абдурахмановича, хотя два совершенно различных мордоворота. Но все равно эта тень пробудила всякие подозрения, которые, может, еще с пещерных времен в моих генах застряли. Стал я упорно добиваться разговора с ученым Веселкиным. Набираю номер раз, другой. Не откликается. У меня, конечно, уже дурные картинки в голове ожили, поползли. Браню я невротика, то есть себя. Ведь мог бородатый всхрапнуть часок, вылеживая думы, а то и бросить якорь в павильоне грез (как обозначали сортир китайцы). Бесполезно звякнул я в последний раз и поехал на пятый этаж, в место пребывания осточертевшего уже ученого. Еще в холле, около лифта, я рассмотрел немного слизи, но принял ее за плевок какого-то жлобоватого доцента. А на пятом, близ лифта, опять эта дрянь, вдобавок к ней прилипло что-то вроде чешуйки. Тут я соображаю со скрипом: и внизу был вовсе не плевок доцента; поэтому отскоблил гадость, да в пакетик из-под орешков сховал. А в главном коридоре пятого этажа — полумрак и жужжание. Не понравились мне эти звуки; рукоятку нагана в ладонь, большим пальцем взвожу курок, указательный опускаю на спусковой крючок, двигаюсь в полуприседе, рывками, готовый бабахнуть в любую неожиданность. И тут что-то мокрое мохнатое влетает и вылетает из моего “растопыренного” глаза. От такой обиды я чуть не выстрелил себе в гляделки, плюс возненавидел автора “Мухи-Цокотухи”. Но, в основном, продолжал действовать грамотно.

Ударил пудовым башмаком дверь лаборатории МГД, так что она вылетела, прыгнул влево, скакнул вправо, потом уже ворвался в помещение и спрятался за ближайшим укрытием, большим шкафом. В комнате праздник-фиеста. Жирные, быстрые, летают эскадрильями, хватают за кожу челюстями, во все отверстия ломятся, глаза просто выпить хотят — первый раз в

своей бедовой жизни повстречался с такими наглыми спортивными, накачанными рэмбо-мухами. Отгоняю их, бью кулаком и наотмашь, “по щекам”, обзываю всячески. Это помогает, но слабо, напрягаюсь, как пинг-понгист в финальном матче. Конечно, внушаю себе, что мухам удивляться не стоит; чего в них особенного, самые заурядные дрозофилы, не це-це какие-нибудь. Ученым — слава, а цокотухам только вредные излучения генератора. Отчего ж болезным не сорваться из коробки? Тоже ведь свободы хотят. Выдвинулся я из своего укрытия на несколько шагов, под ногами хлюпает генераторная жидкость, та, что с магнитными свойствами, и вот, пожалуйста. Меж двух установок в луже — павший и мертвый. Я, собственно, его по бороде и узнал. Тот самый клин между глаз торчит. Естественно, что на лице неприятная каша, борода на помазок похожа. Над кроваво-магнитной лужей Мухляндия работает, барахтается и купается. Я выскочил из комнаты, прочертил блевотную полоску в коридоре — мне казалось, что я того помазка наелся. В рубке, правда, снова себя на подвиги завел притоптываниями и прихлопывании в стиле национально-освободительных движений Африки. Разгладив скомкавшуюся душонку, стал звонить в свое бюро — и вот те на, все ушли на танцы. Напрасно пытался высвистать шефа, он обменивался где-то опытом с Корпорацией секретарш-телохранительниц. А вот криминалисты на сей раз через десять минут прискакали, будто поджидали в кустах неподалеку, причем, у всех взгляды зверьков, питающихся падалью. Белорыбов с веселенькой улыбочкой на устах сразу ко мне и, сглатывая слюну, попросил предъявить оружие. Но в тот момент, когда я протягивал свой наган, Белорыбовский холуй взял меня на прием. Смешной прием, детсадовский — заломал мою руку своими двумя — я бы на его месте провел айкидошный кистевой. Однако, ничего противопоставлять борцу не стал, потому что гостям только этого и надо. Прихлопнут за здорово живешь, потом накатают нужные бумажки, и дело закрыто. Лизнул я пол, захрустели хрящи, какой-то орангутанг еще прыгнул мне на спину и стал топать ногами. Ясно, пристрелить не получилось, сейчас мне помогут оказать “сопротивление при задержании”. Утюжили минуты три, выдавая грубость за умение. Но потом Белорыбов проявил режиссерское мастерство. Меня дернули, как морковку, за чубчик вверх, и боец, сбегавший к Веселкину, ткнул прямо кровавой пятерней в мое уставшее лицо.

— От этого так просто не отмоешься,— сказал посуровевший сообразно моменту капитан Белорыбов. — Двадцать пять лет расстрела тебе, и то мало.

Дебил дебила видит издалека. Я в Белорыбове почувствовал под тонким налетом цивилизации полный котел бреда.

— С вытащенными из пазов руками и вы не помоетесь,— пытаюсь унять опричника.

А в ответ опять жлобство, грубость “ванька-встанька”, известная мне с армии, тычки в живот и по почкам. На службе-то я быстро нашел себе персонального мучителя, который “обрабатывал” красиво, но облегченно, по-театральному. За эти услуги передавал ему, подавляя музыку в животе, всю сухую колбасу, импортированную из дома, впрочем, ее и так бы отняли. Но Белорыбова колбасой не смягчишь, он тверд, как тот клин, что завершил карьеру физика.

А видеозаписи с моим алиби капитан просто стер. Попробуй в такой неакадемической обстановке заикнись про слизь и чешуйку в пакетике, который дружки выбросили при обыске в мусорное ведро. Да они ж заставят меня сожрать этот вещдок вместе с остальными помоями.

3

В камере СИЗО людей хватало, но двое держались особняком. Я и мой опекун. Он должен был помочь мне. А мне предстояло рассказать, как гасил светильник отечественного разума. Стараться и придумывать не надо было, всю историю сочинил бывший режиссер, а нынче драматург Белорыбов. Оставалось только передать своими словами, но под протокол. Главное было не запутаться в расписании греховных дел. Начать с учительницы Рахиль Израилевны, которая внушила ненависть к родным березкам. Не забыть о тренировке по метанию клиньев в гастролера Файнберга. Ну и закончить самым последним обагрением рук.

Я же отвечал на жизненный вопрос. Первый ответ, не хочу играть роль, прописанную мне назойливым драматургом. Второй — желаю сохранить в организме больше целых деталей, чем позволяет ситуация. Первый и второй уживались друг с другом плохо. Налегал на первый — и вот результат: через несколько дней я нуждался отнюдь не в косметическом ремонте. Приятно было б что-нибудь противопоставить своему оппоненту, но подходящего средства не нашлось. Рука у него в два раза шире моей; морда и брюхо чувствительны к битью, как кирпич и мешок с картошкой; стрелять, естественно, нечем, разве что соплей. А улепетнуть внутри такой клетки могла бы только черепаха из апории пресловутого Зенона (его бы на мое место). Наконец понял, пора давать второй ответ. Ведь я успел уже попрощаться с тремя зубами, двумя клочьями волос, телесным цветом лица, и что-то внутри стало шалить. Тратить ресурсы столь быстро, наверное, было бы легкомысленно.

Еще одна незапланированная неприятность настигала меня, когда опекун уже выдавал трели на нарах. Неведомая сила как бы выкручивала меня на манер тряпки. Я даже несколько раз штаны ощупывал, не мокрые ли. И Дуевские слова вспоминал, о высасывании душевного жара у граждан. Как-то выкручивали меня в очередной раз, ну и выпустили жар. Заодно и некое существо, прихватив мои мысли, выскочило наружу, назовем его для ясности ГНОМИКОМ. Что интересно, я как бы стал им. Раз — и затянулась пеленой вся камера, принялся блуждать я (то есть гномик) в непроглядной мгле. Блуждаю по-черному, вокруг же неустанное чавканье и всасывание, будто это не туман, а питательный бульон. Несколько раз видел и тени чавкающих-сосущих, каких-то родственников пиявки и глиста. Один червяк так мощно меня потянул, что я принял его за Родиона

Михайловича. Навроде разглядел даже — сидит тот тихонький в кабинете, стеклышки очков поблескивают, конфетку жует и бумажку правит. Рванулся сдрейфивший гном обратно с такой силой, что чуть не треснул. Повоевал с ветрами, попланировал и как-то из тумана пищеварительного выскочил, прямо в родную камеру.

Хотя можно было гордиться, что я за свой жар души схватился и не дал его сожрать, но подозрительные видения намекали скорее на помутнение в голове. И в самом деле, поволокли меня на допрос, а я собрался дать еще один ответ. По-джентльменски выражаясь, попробовать внезапно Белорыбова нокаутировать, а по-рабоче-крестьянски — дать ему по соплям, чтоб не скоро встал. Пусть хуже, но роль будет не чужая, а моя. Хуже себе сделать не пришлось, следователь стал вдруг умным и добрым. Извиняется даже, мол, кто же знал, что вы такой положительный гражданин. Я, обалдевши от положительных эмоций, решил, что это спасенный жар души мою судьбу устроил.

Разгадка пришла вместе с шефом бюро Пузыревым. Он меня встретил недовольным сопением, но известил, что в технопарке за время моего отсутствия завершилась биография еще одного ученого. Кстати, последний убиенный занимался преобразованиями каких-то сверхдлинных субэлектронных волн, из-за которых иногда в природе шаровые молнии родятся. Субэлектронщику стало хуже, а мне лучше, вот и разберись, где тут мораль. Пару деньков полежал в ванной, отмок, попил женьшеневки, потом отправился к врачу-костоправу. Врач хрустел костями. Это помогло. Хрустел-то он костями другого пациента, но я, наслушавшись такой музыки, понял, что лучше стать здоровым и идти домой. Попадись к такому доктору на сеанс, действительно потом ни на что не пожалуешься.

Приступив к выполнению служебных обязанностей, я уже ничего не скрывал. Каждому вколачивал страхи, когда пропуск проверял. Только в моих услугах уже не особо нуждались. И так все было известно, катались жуткие вести из уст в ухо. Эскадроны смерти, красные бригады, черные сотни и другие кошмарные темы надолго прописались в головах. Большинство прознавших про это дело репортеров настаивало на том, что нынче орудуют не какие-нибудь закоренелые преступники с четко очерченными целями, а юные сорванцы-консервы из группировки ГСДБ (Гитлер-Сталин — дедушки-братья) или романтики-калы из бандбригады “Батька с нами”. Дескать, юнцы утверждают свою мужественность, вбивая клин в какую-нибудь голову с противоположной стороны баррикады. Получалось, что Файнберга принесли в жертву консервы, Веселкина — калы,

субэлектронщика опять же консервы.

Я стараюсь не попадать под струю самой свежей общественной мысли, которую испускают печатные, а точнее, непечатные органы. Поэтому притворялся (и очень удачно) олигофреном, чтоб не вслушиваться и не вчитываться. Даже невооруженным взглядом видно, что у малолетних калов, консервов и прочих крысят спинной мозг жидковат для таких заковыристых дел. Вовсе не для них думающие головы обладают такой притягательной силой. Прав Дуев, что всегда кого-то обсасывают — но только не цветочки. Вчера крестьян, беспортошных феллахов всяких, которым некогда было помыться, смердов, рабов. Завтра роботов, чем они хуже феллахов? А сегодня доят тех, кто сидит в технопарках. Не знаю, что насчет жара души и нектара, но большие начальники-вурдалаки в финансовом отношении местную публику точно выжимают, как лимоны. Расцвести “лимонам” не дают, чтоб не стало тесно питающимся, насельникам администраций, кафедр, НИИ, НПО и прочих бюджетных контор. Однако же, начальнички изводить и рубить под корень соперников-кормильцев, пожалуй, нынче не должны. Собственный овощ им уже не вырастить, а жить-то хорошо — ой как надо. Значит, наши привычные сосуны в этих ликвидациях, по крайней мере, главную скрипку не играют. Тогда кто? Тут и ставилась сама собой точка в моих размышлениях.

Кстати, через пару недель повстречал того уркана, который со мной дружил в СИЗО, не покладая рук и ног, вкус чьих ботинок я помню до сих пор. Видимо, пустили его отдохнуть от хорошего поведения. В универсаме на Васильевском встретились, я там водопроводным краном разжился. При этом, мне показалось, земляк меня не заметил, а я его “взял на мушку”. Вначале такое обстоятельство никак меня не задело. Но потом, когда ему вместо меня достался приличный портвейн, откуда-то из мозжечка постучалась агрессивная мысль. Возьми-де кран, заверни его в приобретенную ранее газету “Правда” и получившимся украшением угости приятеля по кепке, так сказать, верни излишки. Появившись под видом обычной мысли, этот умственный порыв скользнул вниз, в сердечную мышцу, оброс там сильными чувствами, как ежик иголками, и показался хорош. Он уговаривал меня со всей убедительностью, что невмешательство в дела блатного элемента мне серьезно повредит. Закусает себя душа, истощится дух. Ладно, он меня уговорил, воодушевившись и вооружившись краном, да еще цепочкой от унитаза, я принялся преследовать человека с хорошим портвейном. Порыв на ветру распалился еще больше, мое образное мышление по десятку раз за минуту представляло,

как врезается “газета” вместе со всей своей правдой в грязный затылок оскорбителя. Предаваясь таким светлым мечтам, выдувая губами звуки удара “Бух! А-а-а!”, я проводил своего подопечного с Наличной на Железноводскую. Там он юркнул через подворотню во двор. Экскурсия вроде бы стала подходить к концу, когда он двинул в какой-то подвал. Я, будучи по-прежнему на взводе, не отрываюсь. Пять ступенек вниз и — полутьма, воздух, напоенный гнилью, звенит от комариных концертов, и вражеские летуны повсюду, наглые, как пэтэушники после выпускного бала. Ящики раскинулись упорядоченно, штабелями, и раздольно, россыпями. Подвал, судя по интерьеру, имел отношение к заведению жрального типа, которое умерло грязной смертью из-за запрета санэпидстанции. Я не забывал о своей мечте, поэтому, огибая горные хребты тары, преследовал знатного зверя. Всего несколько метров вглубь — и сумерки стали тьмой со слабыми выбросами света из каких-то щелей, а залежи ящиков обернулись лабиринтом. Вот и чавканье башмаков моей добычи рассосалось во мраке, и огонек ее сигареты свернул за какой-то угол. Пожалуй, ошибочка вышла; приятель, в отличие от меня, нежится в родной гадской стихии. Стал я, как тот вратарь, которому бьют пенальти, а у него грязь в глазах. Выход один — искать вход. И вот я пячусь назад, гордый, но озадаченный, как Наполеон в декабре двенадцатого. И вдруг шлагбаум. На моем горле устраивается ремень и начинает давить. Я в него даже не поверил, настолько был не готов к столь неприятному развороту. Но башка сразу опухла, как мяч под каблуком. Все было так похоже на сон типа “кошмар”, что я не испугался и нашел, что противопоставить гнусному выпаду. Трахнул каблуками владельца ремня по сводам стопы, а потом смял ему локтем, наверное не слишком здоровую печень. Ему бы сейчас не обращать на это внимания, да и додавить меня, но злой вспыльчивый нрав взял свое. Удавка ослабела, видно, он стал держать ее одной рукой, а второй, увенчанной чугунным кулачищем, решил долбануть мне по затылку. Но я нырнул вниз и вбок, потому-то бронебойный удар, произведя ветер, только скользнул вдоль моей шапочки — как не узнать нрав приятеля. Взяв из положения сидя низкий старт, я высвободился и, больше того, перелетел через какую-то кучу. Я знал, что разгневанный блатарь так просто не пустит меня к свету, поэтому стал курсировать в тьме. Пути ветвились и петляли, пересекали груды гниющих ящиков и уходили под воду. Вскоре неизвестность полностью проглотила меня. Оставалась одна единственная ясность, что братья меньшие в состоянии пить мой сок на первое, второе и третье. “Закусан комарами насмерть в центре большого

города!” — это сенсация. Однако, я вряд ли смогу пожинать плоды своей популярности и нежиться в огнях фотовспышек и юпитеров. Хоровой писк был таков, что казалось — все тело стало сплошным ухом. Несмотря на мои мощные отмашки, достойные участника мамаевого побоища, комары подошли вплотную и даже куртку пробивали своими хоботами. Я пытался вычислить, сколько еще продержусь в кусачей тьме, но тут обозначилась поправка к расчетам — некий шум, похожий на комариный писк, как тигр на кота. Удивительный шум скорее всего был родственником того, что бывает при продувке клапанов. Ой, как не хочется, чтоб этот “клапан” прыгнул мне на холку. Так я внутренне протестовал, что какой-то нервический спазм сделался. Конвульсии стали меня выжимать и выкручивать. Уже известный мне гномик ожил и побежал навстречу тапкам, а потом словно сорвался с прыжковой вышки. Покувыркался он еще, а потом прибился куда-то, приобрел устойчивость. Кстати, вся фигня, творившаяся с ним, как будто происходила и со мной (гномик — ЭТО Я?!), хлестнули прямо-таки прибойной волной свежие ощущения.

Сжатие распространяется вдоль тела и гонит волну, продавливает жидкую силу сквозь отсеки моего нового, надеюсь, неплохого тела. Это вдох. Сжатие бежит в другую сторону, и брызгами с гребня волны срывается горячий выдох. Он подсвечивает шарик неподалеку. Внутри шара скрючился убогий тип, отчасти похожий на человека, а больше на блин; выделялись, пожалуй, только красивые красные фонарики глаз. К продольному сжатию добавляется поперечное, огненный комок распирает глотку. Стоп-кран. В шарике-то — Я! Кроме меня там торчать некому, вот даже узнаю свою куртку с барахолки и шапочку, пригодную для сафари. Глотка горит, как от стакана спирта, сейчас пойдет волна в другую сторону и выбросит комок, вернее, скрученную в моток проволоку. Нет уж, на самого себя, даже замаринованного в шаре, моя рука, а вернее проволока, не подымется.

Я сам себя выплюнул — тороплюсь назад по пуповине, которая соединяет огневой рубеж и съедобный шарик. По дороге глотаю встреченные напряжения и сжатия; переварившись, они вылетают откуда-то сзади реактивной струей. Ну, задал я фору балеронам из Большого! В конце душой исполненного полета — яма, я расплескался по стенкам и стек на дно. Итак, поздравляю себя и гнома с вселением обратно. Если я не сбрендил окончательно, то теперь знаю угол атаки на меня. Резко сгибаюсь и щелкаю зажигалкой, что-то, похожее на копье, свистит над моей головой, слегка прикрытой шапочкой. Крохотный свет

подмазывает розовым сцену нападения, кручу глазные яблоки. На штабеле в двух метрах от меня расположилась редкостная дрянь. То не копье просвистело, а она пульнула в меня своим хоботком. Убойный инструмент, не заработав очки, как раз прятался сейчас в пасть недовольной морды. И наконечник у него тот самый, похожий на клин. Кусательно-жевательный аппарат вообще у этого гада выдающийся. Четыре крюка и какие-то штуки, которые я бы назвал ручонками, если б не были они похожи на складные ножи с зазубренными лезвиями. Изящная червеобразная фигура вся в прикиде из обручей-колец, те заправлены друг в друга, как портки в сапоги, вдобавок сходятся и расходятся в такт элегантным движениям. Чуть подальше от головы, под грудкой шевелится два ряда смешных ножек, которым не помешали бы сапожки. Описание не полно, потому что было не до любования портретом подвального дива. Я как-нибудь сообразил, что эта штука способна помешать мне жить. Неожиданно в рамку влезла фигура моего уркана с живописной миной на лице. Дальнейшее достойно кисти баталиста Васнецова. Жалко, что он отсутствовал, когда я кинулся к вору, как к родному брату, дескать, не узнаешь своих, чертяка. “Брат” хватанул меня двумя своими медвежьими лапами за куртку и помог твари цапнуть будущий бифштекс — подбросил меня к ней поближе. Наверное, и зажигалка уже вывалилась из моей руки, и огонек прихватил кое-какие щепочки — была подсветка, благодаря которой я разглядел, что страшиле мало было размахивать хоботом, она еще и прыгнула. И хоть я подлетал к ней спиной, полуобернулся, как балерун к балерине, и врезал ей своим краном по крюкам. Треснула пропоротая куртка, и хобот хлестнул меня поперек туловища. Я, так сказать, свернул в сторону, где проломил кучу ящиков и начал барахтаться. Чудовище же решило познакомиться поближе с урканом, тем более, он был по пути. Хулиган швырнул в гада бутылку, но она была отбита и улетела по верному адресу, то есть ко мне. Следующим жестом человек пытался запаять бляшкой ремня животному по моргалам, но “складной нож” полоснул ему по ладони. Теперь наступил черед активных действий злюки-монстра. Четыре крюка выдвинулись вперед и вошли в бока уркагана, так что ему было уже не сдвинуться с места. Следом хобот могучего урода пробил блатарю видавшее много снеди пузо. Монстр заурчал, как дизель; даже уркаган, не вылезающий из болевого шока, глянул на старающееся животное с удивлением. И тут блатного мужчину, которого я уже, конечно, простил, затрясло, несколько раздуло, потом перекрутило. В конце концов, полопалась там и сям кожа, из прорех вместе с разбавленной кровью вырвались синие искры, к запаху гнили

присоединился озоновый аромат. Через полминуты жиган совсем расползся и кучей требухи упал в воду. Гад опустил морду в эту кашу и стал жрать, вместе с ним закопошилась бодрая компания мохнатых, похожих на сосиски червячков. Вскоре кольца на брюхе твари разошлись настолько, что оно стало просвечивать кровавым содержимым. Чудище срыгнуло мутную жидкость, наверное, лишнюю воду, и стало поворачивать внимательное “лицо” в мою сторону. Я соответственно из зрителя превратился в того, кто бежит быстрее лани; рванулся наугад, надеясь, что зверь уже сыт-пьян и доволен жизнью. Я никогда так быстро не рвал когти, ни в прошлой, ни в будущей жизни. Злодей еще предстал передо мной, как памятник самому себе на вершине пылающего кое-где холма. Он гордо поводил озаренной мордой и громогласно пищал. Он входил в мои сны и делал их кошмарами на многие недели. Я впоследствии мог проснуться от очередного сна с его участием, покушать на кухне чайку, вернуться в койку и угодить ровно на следующую серию, спасибо кинопрокатчику Морфею.

Через пятнадцать минут шараханий по подвальному аду, наполненных ожиданием новой встречи с интересным чудовищем, я выбрался на Божий свет. Но вместе с клубами черного дыма. Некие добропорядочные люди еще бросились ко мне, как к злостному поджигателю. Я, пользуясь слабой видимостью и искаженностью черт лица — от копоти и укусов,— быстро успокоил активистов цепочкой от унитаза и словами: “Мы с вами не представлены друг другу”. В итоге, растолкав толпу пассивных наблюдателей, я скрылся со сцены, как маскарадная маска. И пока бежал домой, все время прихлебывал из чудом сохранившейся бутылки. И пока прихлебывал, мог бежать. Если кто и собирался, то уже не смог меня опознать три дня спустя, когда грязь была отскоблена и физиономия съежилась до своих обычных размеров. Естественно, что я ни с кем не делился воспоминаниями. Ведь пришлось бы отвечать не только за парашные ящики, но и за отбытие жигана туда, где “нет конвоя”. Поди докажи, что им закусил какой-то неведомый зверь. И как найти такого вдумчивого следователя, который поверит, что трое угробленных клиньями ученых пали жертвой некрупной, в общем-то, зверушки.

4

В концерте происшествия и событий зазвучали новые ноты. Какие-то упорные вредители, должно быть, с записью в медкарте “Шиза. Держать взаперти”, по ночам просачивались в помещения, как правило, мелких фирм, портили оборудование, курочили экраны, корябали платы и перекусывали проводки. Технопарк, ясное дело, тоже влип в историю. Охранные люди старались изо всех сил, но силы тратились без толку. Напрасные старания никакого сочувствия у охраняемых не вызывали, наоборот, косые морды плевали нам вслед. Мы боролись с неведомым врагом, но, кажется ставили подножки и делали подсечки только самим себе. Противник щеголял своим инкогнито. Милиция несколько раз хотела класс показать и утереть нос, но повторялась та же песня, только в другой тональности. Вооруженные разгоряченные люди сбегались на место происшествия неизменно в антракте. Таким образом, преступный элемент претендовал на роль форс мажора, непреодолимой силы. Не слишком поздно ментура догадалась, что славой здесь и не пахнет, очки не набираются, премиальные остаются прежними, а вот папки с незавершенными делами будут вздыматься все выше и выше к потолку. Впрочем, защитники права и порядка предприняли кое-какие меры. Пустили “парашу” про то, что бизнесмены-подлюки самоедством занимаются, от них-де вся кака. А резон им такой — нахватать страховок и еще сбить цену у акций, чтоб потом скупать их охапками, разоряя народонаселение. Многим бойцам из нашего бюро стало тоскливо от непонятного, давящего, стрессующего, вот они и подались в фермеры или менты. Мне такие варианты не улыбались. На грядке меня всегда клонит в глубокий сон. Далек я и от того, чтоб гонять сопляков, которые на Дворцовой площади порноматрешками приторговывают. Поэтому и остался на своем рабочем стуле, как памятник поэта Пушкина. Только один очевидный вывод подсказывала мне вся эта буча: надо больше и лучше заниматься “охотой”. Брать пивка с хренком и мочить зверей. А в технопарке, кстати, многие хотели выхватить свою долю, зажать ее зубами и тикать. Но доли с ходу не выхватывались, люди спорили, вернее рычали и грызлись, как звери. Искусанные и побежденные отправлялись торговать урюком на базаре. Я же посреди всего этого Куликовского поля с упорством пророка бил зверье до раскаления приклада, не развивая природную кровожадность, а лишь споря с вечностью. Ведь я знал наверняка, что переплюну очередного чемпиона, и фирма бесплатно свяжет меня с ведущими охотниками Европы,

наши звери станут общими, сможем “дырявить” и друг друга в придачу. Тогда установка назовется “война всех против всех”. А еще фирма “ружье” поменяет на “пулемет” и приставку разрядную с электродами пришлет. Когда я проиграю, то меня уже не обвоняют, а слегка дернут электричеством в “пострадавшую” от противника часть тела.

Однажды у меня Нина побывала, я как раз разрядник от фирмы получил и управление им перевел на девушку. Поручил ей, чтоб самостоятельно током меня била, если стану приставать. Ну и предложил поразвлекаться на пару “Войной всех”. Тут такое побоище с одним тевтоном из Померании завязалось, что я пропустил момент, когда красотка скисла и упорхнула домой. Как я мог оторваться, если может пострадать национальная гордость великороссов и мой рекорд в придачу. Наверное, дамочка посчитала меня примитивом. А стал бы ей вплотную заниматься, тоже прослыл бы примитивом. Ну и правильно сделала, что закрыла дверь с той стороны. Я ведь круче немца выступил, не смог он с моими зверями справиться — столько в них ужаса вложено. Можем же, когда захотим! Не абы как вкладывал, а с искренней любовью к страшненькому. Самого германца под конец я тоже уложил и выиграл “пулемет”. Но потом все-таки целую неделю сомневался и доказывал сам себе, путем усиленного чтения книг, что я не примитив. Если честно, то книгу только одну прочитал и сразу забыл, о чем она. Помню лишь, что какой-то молодой человек, бретер и кутила, вроде наших люберов, трется около юной девушки, но она не согласна, а как только “дала добро”, тут он и скопытился, запутавшись в обстоятельствах жизни. Гораздо больше знаний мне принесло вращение в неинтеллигентных сферах. Например, в стихийном “английском клубе” возле винного магазина. Там стала вдруг регулярно курсировать информация к размышлению. Перед размышлением, правда, надо было отбросить плоды белой горячки и оставить сведения, где хоть криво, но все-таки отражались правда с реальностью.

Пожилой алкаш в тельняшке волнительно живописал, как его друга съели мухи здоровенным размером с собаку. Они друга вначале не трогали, а однажды разозлились и искусали. Тот опух, потом лопнул, расползся, и мухи его просто слизали с пола. Алканавт долго сокрушался об утрате собутыльника, а потом для баланса мнений добавил: “И правильно. Абсолютно с мухами согласен. Уважай Серый флотский порядок и чистоту, мухи Серого бы тоже уважали”.

Один красавец с длинными ногтями, собрав круг интересующихся, выкладывал им за кружку пива другую ужасную

историю. Явился он как-то к даме, у которой на хазе и самогон варится, и винишко бродит. После безответного звонка в дверь влез через балкон. Нашел что-то похожее на большущий комок ваты, раскурочил его, когда подумал, что эдак хитро первач замаскирован. А внутри комка кожица с косточками, с чертами лица — все, что осталось от чаровницы. К тому же начисто смело ее запасы сахара, не говоря уже о многочисленных литрах драгоценной жидкости, навсегда пропавшей из перевернутых бутылей. Впрочем, когтистый гражданин доказывал справедливость кары. Дескать, правильно проучили, выжали ее, и поделом. А она чем занималась? Если спрос у него неплатежеспособный, заставляла, барыня такая, нести сексуальную повинность. Трудился на ней, пока не скажет: “На тебе поллитра и тикай”.

А вот женщина с цветочной синевой под глазами гнула и вела собственную линию. Из слов, перемежающихся иррациональным смехом, можно было узнать, что у нее есть сестра, большая язва, в смысле правильный человек. Едва эта самая сестра увидела проползающего мимо гада, сразу увязалась за ним в кухню, а потом и в кладовку. Зверек, не зная как уединиться, куснул зануду, отчего та провалилась в обморок. Отрыв от жизни продолжался неделю, сестра только жрала, причем хорошие продукты вроде меда. Одурела-то она в свою пользу. А когда у нее из носа и рта вылезли какие-то мелкие гаденыши, мигом очухалась, высморкалась, и пошла на работу.

Еще там был некто с замотанной рукой и перевязанной головой — вначале бинтом, потом полотенцем и, наконец, шарфом. Судя по регулярному рычанию и грубым фразам, сыпавшимся из него, как из рога изобилия, он был грозовой тучей, основным стрессующим фактором района, и наказывал любого, когда считал, что пора. Но однажды подошла и его очередь подвергаться насилию. Как-то районный громовержец мылся, по обыкновению не включая свет, чтоб не смущать взор обычными полчищами тараканов. Вдруг этот Зевс местного значения почувствовал дерьмовые дела, затевающиеся за его спиной, и сделал шаг в сторону. После этого что-то свистнуло и порвало ему ухо, но все-таки основная часть головы осталась целая. Он медленно свалился на пол и нащупал топор, который держал в ванной на случай, когда подлые дружки придут к нему с разборками. Решительный человек просек — какой-то хрен копошится в углу, и обрушил на это “не поймешь что” топор. Лезвие, наскочив на твердь, отлетело в сторону. Тут будто пилкой резануло поединщика по правой руке, оружье выпало из-за неприятных ощущений, но боец сумел подхватить его левой и

рубануть снова, только уже не сверху вниз, а наоборот. Полетели брызги, человек порубил минуты две по необходимости и еще три ради удовольствия, а когда заметил, что никто кроме него уже не шевелится, зажег свет. Каково же было изумление атакованного — ведь на полу ванной в бурой луже обнаружилась издохшая гусеница, вымахавшая до размеров поросенка. Впрочем, название “гусеница” было условным, и это рассказчик четко сознавал. Из ее пасти, страшной, как улыбка мертвеца, тянулся хобот, что въелся острым наконечником в стенку и застрял там. На брюхе панцирные кольца немного разошлись под воздействием сожранного и выпитого, там лезвие топора и выпустило внутренний сок. Человек-победитель отрубил хобот, вытащил его кусачками из стены, потом все останки бросил в ведро, собираясь вызвать ученых. Вернее, ученого, того жмота, у которого он в первый и последний раз чинил унитаз. Перед вызовом израненный хотел привести себя в порядок, полить дезинфицирующей жидкостью на раны. Но ужас — несколько заначенных бутылок водки было вскрыто и цинично опустошено. В огромной бутыли с перспективным бродилом осталась лишь пара капель на дне. Такого надругательства психика уже не выдержала и отключилась. Когда изображение в глазах сфокусировалось снова, рядом хлопотала подружка Зина, потерпевшие члены тела были промыты и замотаны чистой тряпкой, а несусветное животное выброшено на помойку. Мужчина покарал женщину за дерзкое самоуправство, но наука, увы, понесла непоправимую утрату. Гражданин с трижды перевязанной головой не перекладывал ответственность на других и сочился скупой мужской слезой.

Вести с фронта стали помаленьку просачиваться в прессу, а от нее и к начальству. Репортеры обслюнявливали на последних страницах в разделах “сплетни-слухи” забойные истории, вроде тех, что давно стали достоянием гласности в “английском клубе”. Простые менты уже видали виды, но скромно помалкивали, не желая себе на шею вешать еще каких-то зверей. Ментовские начальники пеняли на всем известную антисанитарию, наркоманию и алкоголизм. Санэпидемстанция отбивалась от попреков, объясняя, что грязь в норме, и поголовье крыс с тараканами близко к мировым стандартам. Биологи-зоологи и прочие соплежуи с учеными степенями говорили, что никаких монстров нет на свете, какие-то графики и расчеты им существовать не позволяют, граждане же встречаются с крупными крысами. Потом от бабок пошло известие — просто частники завезли в город Петра партии южных рептилий и насекомых, но пожмотились на клетки. Раз так, гады сорвались и скрываются

нынче по подвалам и прочим темным местам. Городской голова в еженедельной передаче “Я и Ты”, по своему обыкновению, все растолковал. Мол, при встрече с неизвестными вам существами, во-первых, сохраняйте спокойствие, а еще лучше — улыбайтесь; во-вторых, пытайтесь отвлечь их внимание от себя и других ценных предметов; в-третьих, закрывайте на ночь унитаз трехпудовым камнем; в-четвертых, не откликайтесь на шипение за дверью. Городской попа, то есть начальник СЭС, дал хороший рецепт яда для вредных животных, отраву надо было рассыпать по кастрюлям и плошкам. В развитие мыслей о беглых тропических гадах представители прокуратуры заверили граждан, что с террариумом самовольно рассталась пара десятков крокодилов, три-четыре молодые анаконды, и кое-каким ротозеям-животноводам вскоре не поздоровится. Дешевый треп — у меня сосед сторожем в террариуме. Судя по его широко раскинувшимся щеками и вечно одетым валенкам, от голода и холода крокодилы с анакондами не вылезают из анабиоза и спячки. А вот и факт, подтверждающий тезис. Сосед мне все цыплят предлагал, надо полагать, отобранных у крупных рептилий.

Еще через моего шефа Пузырева добралась до меня засекреченная история об отряде ОМОНа, сгоряча связавшемся с неучтенными ни в какой Красной книге монстрами.

По спецсвязи полковничьим голосом потребовали от милиции взвод автоматчиков. Голос внезапно оборвался на междометии “ля”, и встрепенувшийся зам. начальника ГУВД послал на помощь команду. Вот она подлетела к утопленному в почве сооружению, похожему на бомбоубежище. Четыре бойца встали, пожевывая резинку, у двух входов, остальные восемь на пружинящих тренированных ногах двинулись внутрь, сжимая в крепких руках короткоствольные автоматы. Неподалеку от входа в коридорчике нашелся обездвиженный и онемевший гражданин в хороших офицерских сапогах, по общему виду сторож из отставников. А когда бойцы двумя расходящимися крыльями стали углубляться в большую камеру, заставленную редкими ящиками, лампы подмигнули и забастовали. Бойцы насторожились, замахали фонариками, да вдруг с потолка, с самой неожиданной стороны, посыпались какие-то твари — о них были последние радированные слова. Четверо стерегущих входы-выходы рванулись внутрь и с порога складского помещения швырнули осветительные шашки. И тут у этих бедовых парней случились первые рвотные позывы. По уже распоротым, оставшимся без внутренностей телам их товарищей сновали гады, похожие на гусениц-верзил, одетых в кольцевидные щитки. Люди

открыли огонь, но твари сжались в “шишки”, пули калибра 5,45 отскакивали прочь от панциря, а если и дырявили его, то из дырки ненадолго брызгала бурая жидкость, на том дело и заканчивалось. Даже от прободения башки чудовищам было хоть бы хны. А потом для обострения ситуации несколько хоботов решили зацепить омоновцев, троим парням удалось увернуться, но четвертого метательное орудие достало. Человека утащило в самую кучу монстров, там немедленно произошло вскрытие. Все, что внутри, было залито пищеварительным соком, обработано разрядами и выхлебано, как суп. Когда дырок в шкурах гадского племени стало чересчур, пустило оно аэрозоль, от которого людей немедленно стошнило. Под прикрытием ядовитого тумана да блевотных дел вредные животные попрыгали на потолок и через его отверстия скрылись в подземных ходах, начинающихся над бомбоубежищем.

Зама по-быстрому попросили с места за халатность: не распорядился, такой-сякой, проверить, кто там трезвонит. Бомбоубежище-то армейцы уж месяц как сбагрили со всеми потрохами каким-то частникам под склад ценных вещей, а вот снимать спецсвязь еще только собирались. На следующий день сверхсекретная история стала достоянием мировой общественности от мала до велика. Может, благодаря мне, точно не помню. Да и без меня монстры стали все реже блюсти инкогнито, потихоньку включаясь в общественную жизнь. Особенно они любили выйти из-за кулис для приема пищи. Худшие предположения подтвердились — гады уважали водку и вино.

Есть-таки монстры на свете — через пару недель в этом не сомневался никто. Ясно было даже выпускнику школы для дураков, что подгадили технопаркам именно беспардонные твари. Правда, отдельные люди, скучающие по потусторонним силам, уверяли всех, что речь идет о демонах, бесах, полтергейстах, эриниях и эмпузах. Твердые же ленинцы внушали зевакам на площадях, что за маскарадными масками каких-то там животных скрываются хитрые буржуазные лица, которые уводят пролетариев от расправы над миром чистогана и вызывают слюнявые симпатии к якобы обиженным капиталистам. А стоящие неподалеку ленинцы-сталинцы эти скрытые физиономии называли не хитрыми, а еврейскими. Зато сталинцы-почвенники и прочие корневики не возражали против животной природы монстров, но своими словами, летящими на крыльях консервных газет, успокаивали народ и вселяли надежду. Мол, страшные гады самые что ни на есть “наши”, исконные обитатели Земли Русской, Ящеры-Яши, известные еще по совместной с богатырями

борьбе против иноземцев и заморских чудищ, Жидовина и Соловья-разбойника. Древняя, значит, у нас духовная связь с Яшами. Правда, по истечении былинных времен Яши слегка засохли и лежали в виде спор по разным храмам. Однако, как шибануло им в нос чужим тяжелым духом, так они и ожили. Тяжелый дух пускают пока что хапуги, отхватывающие для иноземцев куски пирога-родины, да пронырливые оппенгеймеры, выживающие из пьяного бормотания наших кулибиных великие формулы. Кичишься умом, денежками, аппаратурой, надменный чужак? Недолго тебе осталось. Будь готов, Яша тебя оприходует. Ничего, что у монстров инстинкты — и народ подсознанием силен. Зато, как сложатся у них все мозговые ганглии, так и получится великий коллективный разум, с которым не воевать, а дружество водить надобно.

Даже у меня легли поближе к херцу эти отечественные ящеры, выходящие из храмов прямо на бой с продавцами родины. Хорошо, что они хоть в мозги не въелись. Очарование через пару дней прошло. “Яши”, какие бы хорошие они не были, все делают, чтоб слабые сильнее не стали. Их устраивает, как есть. Вот что роднит больших “гусениц” с человеководами-начальниками, родионами-дуевыми. Монстры ведь на технопарки набросились, а государственную оборонку и военные заведения их партизанские тропы обошли стороной. Иначе лампасники сразу бы вскинулись и запели тенорами: “На Дону в Замостье тлеют вражьи кости”. Впрочем, проявился один генерал-фельдмаршал по телеку, голова будто изваяние с острова Пасхи. Пообещал всех уродов распатронить. На моей улице солдатики ядовитый газ в подвалы уже на следующий день накачивали и мины в канализацию бросали. Не знаю, как гады, но пол людского населения района в больницу загремело с интоксикациями, или, как бабули выражаются, тухликациями. Когда такая помощь всем надоела, житель острова Пасхи по-быстрому объявил, что раз армию шельмуют, пусть не ждут от нее добра — солдаты больше с мокрицами воевать не будут. В чем-то он прав, не танковые же дивизии в этом деле нужны.

Так вот, гады в нашем технопарке перепортили все, что им может помешать в борьбе с человеком. Пошуровали в лабораториях, где занимаются дополнительными “глазами” и “ушами”, всякими там тепловизорами, эхолокаторами, электрорецепторами. Расколошматили опытные образцы таких полезных приспособлений, как “пятая конечность” и “третье дыхание”. Смешали с дерьмом аппаратуру, на которой делали прекрасные нервно-успокаивающие газы, превращающие наглецов в деликатные создания. Кстати, эти трое умников,

ликвидированных в первую очередь, может, нас на такую высоту собирались поднять, с которой мы на гадов плевали б, как на мелкую шушеру.

5

Я, бывает, приду с улицы, встану у своей двери и слушаю, как там. В этих случаях мне кажется, что в моей квартире сидят посторонние люди или вообще приведения, жрут и пьют. А последний раз мне другое показалось для разнообразия. Будто со мной в квартиру прошмыгнула тень. Причем не моя. Я все-таки отнесся серьезно, вытащил наган и проверил уголки и щелки. Но подозревать было некого. Тогда я проглотил свою вечернюю еду, не снимая кобуру со штанов, попялился в телек, направился незарастающей тропой к “охоте”. Не стал состязаться с тевтонами, янки и самураями, а выбрал генеральский тип зверобойства — когда бьешь с кресла, а животные расслабленные — пример Дуева заразителен оказался. Вроде все культурно, но чувствую какой-то напряг в спинном хребте. У меня такое ощущение в список занесено со следующим комментарием: “кто-то пялится сзади и желает тебе дурного”. А потом и шебуршение обозначилось. Пока установка ухает и воет, сомнительный звук мои уши посещает, только уберу громкость — тихо, как на виселице. Я даже стал подумывать, может, кого-то завел, котенка или там черепашку, а потом забыл про такое дело. Лежит какой-нибудь бедолага под диваном, обои доедает. И вдруг огорчаюсь — если кто и котенок, там это я сам. Файнберг тоже, наверное, себя уговаривал, а надо было голову спасать. А если затаился где-то гад и хобот на меня затачивает? Может выйти мне вон и прописаться в песочнице перед домом, оставив жилплощадь невидимке? Я снова каждый квадратный и кубический сантиметр обшарил. Но к концу тотального шмона голова стала весить на два пуда больше, и думы окаменели, и мыслительный аппарат забуксовал, как автомобиль на пляже. Вдобавок в носу кран сопливый открылся, по ушам будто ладонями врезали, и я сделался горячий, как казанок в печи. Как это называется? Иначе, чем грипп, инфлуэнца, лихорадка не назовешь. Я утром промок, когда по дороге решил заскочить туда, где люди перед рабочим днем пивком разминаются. А потом целую смену мокрыми тапками шлепал. Но, с другой стороны, простуда с гриппом меня никогда не берут. Вот одного моего приятеля триппер не брал, даже, казалось, в самых безнадежных случаях. Зато стоит сквознячку полетать, и этот тип уже готов, лежит, хлюпает, сложив ручки. Такой вот разброс и плюрализм.

Я пошел на кухню угоститься чаем со спиртом, с таблеткой, с малиновым вареньем и встретил в коридоре лужицу. Но почему-то свирепеть и бросаться уже не захотелось. Я стал, как мне тогда

почудилось, вполне здраво рассуждать. Это, дескать, просто снизу протекает. Потолок чистый, значит не сверху. Почему бы не быть жидкостям, которые снизу умеют течь? Наверняка и закон физики подходящий имеется, у меня же просто разрастающаяся прореха в образовании. Я ведь как учился — ночью под пивко сто законов выучу, утром сдам поскорее экзамен, потом коньяк из заначки — и привет всем знаниям, вымылись, считай, начисто. Успокоился я столь незатейливым способом, загрузил вовнутрь народные снадобья, растекся на диване. Есть оттяг, слегка “лечу”, реминисцирую детство золотое. Мне тогда нравилось болеть: морсик, жрачку в постель подносят, уносят; горшок и то рядом расположился; никому от тебя ничего не надо, только вьются вокруг со своими услугами; ты же Вальтер Скотта почитываешь. Принял я еще немного комплексного средства и разморился окончательно, даже задремал. В дреме я будто бы по-прежнему на своем диване, но откуда ни возьмись доктор, хочет меня оперировать. Из-под шапочки и над повязкой только два глаза-буравчика виднеются и нос. Последняя деталька не просто сидит на лице, а еще и вытягивается в мою сторону, на конце становится твердой, металлической, как и полагается медицинскому инструменту. Кстати, в охватившем меня сне я отношусь к докторскому носу с пониманием. А может, товарищ — потомственный хирург? Куда больше беспокоит, что он там собирается ковырять? В качестве ответа металл ныряет в мой нос, потом опускается в глотку, добирается чуть ли не до желудка. Там из него что-то выдавливается. Сон заканчивается, возвращаюсь в явь, утро уже лезет в окно со двора, и в желудке нехорошо. Хотя чего там может быть хорошего? Однако, есть и плюсы, за время лежки и спячки голова облегчилась, дым из нее ушел, остыл организм, и уши, как новые трубы. Я шлепанцы с дивана спустил, а рядом с лежачим местом есть повод для огорчения, подозрительная лужица с каким-то утробным запашком. Я, спотыкаясь, будто богатырский конь, направился к “охоте”. Вот единственное, что мне не изменит, когда успокоит, а когда и силенок подбросит. Но железная уверенность в аппарате рухнула, нанеся душевную травму, едва он зарычал. Кое-что двинулось во мне снизу вверх, так сказать, чтобы поздороваться, и я, метнувшись в ванную, как лев за антилопой, стравил там харчи. По завершению процедуры, ноги, как у плюшевого мишки стали, и я ударил туловищем пол. На кафеле вскоре замерз, как Маугли, и с натужным криком “даешь!” из ванной комнаты себя выпихнул. Только на теплом ковре в гостиной-кабинете-спальне очухался. Попил пивка для дезинфекции и полный ажур в организме. Налопался сосисок, задабривая живот; наконец,

мораль укрепил, чтоб в ванной комнатке прибраться. А там подарок, оказалось, меня поджидает, рассчитанный на особое чувство прекрасного.

В раковине червячки резвились, толстые, как те самые сосиски, только с усами. Некоторые активисты уже просыпались на пол и неторопливо расползались кто куда. Один червячок решил познакомиться поближе и стал смачно грызть носок моего ботинка. Я, конечно, пнул малолетку, мол, знай свое место, щенок, но тут же пришлось разочароваться в проявленной грубости. Ногу обожгло, как-то изнутри ошпарило и дернуло до колена. Током, что ли, шарахнуло? Если у такой внешне скромной зверушки столь яркие способности, значит, остается только снять шапку и освободить дорогу. Однако, внимание приковалось к тому, что шкафчик мой сожрали, только щепочки остались (я ж на нем столько месяцев проверял свое плотницкое мастерство), еще и пасту зубную слопали, даже шампунь сметали. Вот этого уже простить нельзя! Милая компания, тем временем, десантировалась почти в полном составе из раковины и уже явно тяготилась тесноватой ванной. Смышленые малыши стремились на просторы моей квартирки. Стало обидно, что кто-то сейчас будет комиссарить на такой скромной жилплощади. Я, между прочим, порядок люблю, никогда на паркет не сплевываю и хабарики к потолку не приклеиваю, хотя и умею. Да и лишних вещей, продуктов что-то у себя не замечал. Могу я намечающееся веселье позволить, не умаляя своего человеческого достоинства? Был бы я без достоинства, йог какой-нибудь, нолик, который умалить нельзя, то смотрел бы сейчас на живые сосиски ласковым взором. Но поскольку душа моя в нижнем астрале, то испробовал бесполезную швабру (присоски у них будь здоров) и никчемную табуретку (в момент битья они как заклепки), потом сгонял на кухню за особой заначкой для зимы — бутылью спирта. Вернулся в ванную, сияя, как Снегурочка, и расплескал зимнюю радость, зажав до обеззвучивания крик: “Подавитесь, падлы”. Червячки мои, конечно, оживились, давай слизывать, думали, что угостились на очередную халяву. И тут я, неумолимый, как Молох, градусы им добавил, бросил спичку недрогнувшей рукой подпольщика. До безумия было еще далеко, я вроде осмысленно понадеялся на прочность гидроизоляции. Кое-кто из моих маленьких пытался покинуть мероприятие типа “аутодафе”, вундеркинды же, наоборот, сползлись в прочный ком. Те мерзавчики, что по краям, спеклись в итоге в корочку. Однако, когда пожар закончился и корочка лопнула, показалась живая-здоровая начинка из их товарищей. А вот моя ванная комната, некогда гвоздь программы, пропала и сгинула, одна вонь и копоть

в виде положительного сальдо. Я, наверное, только после этого завелся по-настоящему, по-берсеркерски. Напялил шерстяные перчатки, на них резиновые рукавицы, оставшиеся с тех времен, когда я служил говночистом, подхватил гирю-двухпудовку, ее тоже тряпкой обмотал. Получившейся булавой, вроде той, что была у любого уважающего себя былинного деятеля, стал крошить остатки кафеля, сотрясая здание до самого фундамента. Правда, было одно “но”: малыши бодро, как мячики, отпрыгивали всегда в нужную сторону. Бросил в сердцах гирю, расколошматив раковину, но заводка еще не кончилась. Снова хотел вступить в спор, имея на этот раз в виде аргумента стальной прут, но, видимо, “сосискам” я уже надоел вместе со своими мероприятиями, вот они и скрылись через сток.

Первый раунд приятного не для меня знакомства завершился. Стою я перед ванной комнатой, уничтоженной совместными усилиями, и душевно ною, впервые недоволен судьбой. Почему звери в моей жизни, вначале в виде персонажей “охоты”, а потом и наяву, играют такую роль? Достоевский и Толстой не взялись бы писать о моих взаимоотношениях с животными, для них это было бы низменно и мелко. Где тут вопросы нравственности, где клубок человеческих взаимоотношений, где основа духовного возрождения — спросили бы они и, не получив ответа, ушли бы, монотонно гудя: “Суди его Бог”. Однако же, господа хорошие — заметил бы я им вслед — есть вещи, от которых побледнеют ваши Безуховы и Карамазовы.

Давайте сравним поведение гадов и некоторых наших товарищей. Если не станем зажмуриваться, найдем так много схожего. Просто биологическое у одних становится психическим у других. Вот сегодня я вроде столкнулся с законом природы, включили меня в биоценоз, где сплошные червяки, микробы, вирусы. Не спрашивая согласия, провели сеанс паразитизма. Какие-то животные воспользовались чужим многострадальным организмом, чтобы обстряпать свои делишки. А разве мало встречалось граждан, которые не прочь были проехаться у меня на закорках, предварительно задурманив мою голову. Разве не по-червячьи во время пожара любого типа поступает людская мафия: крайних отдает “огню”, а в середке остается цела и невредима. Получается так: чуть прижмут монструозность на человеческой половине мира, тут же по принципу сообщающихся сосудов (горшков, наверное) перетекает она на животную половину. Так что, не зная тварей, не суйся к людям. Экую штуку впечатляющую я открыл! Ай да Гвидонов, сукин сын. Подпрыгиваю, вздымая руки кверху, как вратарь, который взял мяч. Но, падая вниз, тут же сгибаюсь и хватаюсь за живот, прощупываю и пальпирую, не

шевелится ли кто. Ведь там, чего доброго, поселилось кое-что похлеще, чем скромняга бычий цепень или семейство аскаридок. Подозреваю, что из каждого опарыша вырастает злодей, вроде того, что поджидал меня в подвале. Съел я двести граммов лимонной, и хотя был уверен, что это не поможет, все-таки страх немного растворил. Даже надежда затеплилась, что у червячков царит заединщина и никто из всей шатии-братии, не задержался, споров отсебятину, в моем нутре до лучших времен. Итак, стою я посреди комнаты, как ежик, которого вывернули наизнанку, и тут для оживления дохлой ситуации исполняется ария совсем из другой оперы.

Нина интересовалась мной по телефону оттого, что ее мамашу смыло в загородное садоводство кушать клубнику, а вместо родного человека завелась в квартире жуть. И грипп дамочка приплела, и охватившую ее после болезни слабость, и проблемы отстаивания девичьей чести, и ценности, честно заработанные дедушкой-мясником. Я, конечно, понимаю, что скрывают в себе эти тары-бары, кто-то у нее сорвался с крючка, вот она хочет в порядке компенсации немедленно зацепить другую рыбку. Ее “примитива” тоже помню, обиду взлелеял. Поэтому объясняю: не таков, чтоб бежать, придерживая подтяжки, по первому свистку. Не бутылка я портвейна, к которой можно приложиться в любой момент, когда она имеется. Плавное витийство оборвалось, в ухе громыхнуло так, будто Нина растоптала телефонный аппарат, но через полчаса она уже маячила в моих дверях. Впустить впустил, но посоветовал не налегать на чистоту и обходиться пока без ванной. Силенок, значит, на оборону девичьей чести ей не достает, а чтоб промчаться сюда ракетой — вполне. Вид у меня неоднозначный, однако она, не вникая в нюансы, идет в дом, устраивается на кушетке и начинает в стиле плохой передачи болтать про страшности. Едва, дескать, она погасит свет и захочет дрыхнуть, сразу кто-то начинает чавкать у нее над головой, скакать по одеялу и даже трогать ее тело белое в разных интимных местах короткопалой скользкой лапкой. После такого разъяснения я сразу разубедился в том, что у Нины завелись какие-нибудь животные. Вот балабонит она, лопочет невесть что, а я, особенно не обращая внимания, нарочито постреливаю со своего вертячего кресла в разные стороны. Повернусь в сторону установки, там лазерный пулемет, и трах-трах-тах, крутанусь в другую, выхвачу свой наган, поймаю на мушку какой-нибудь цветуечек, украшающий обои, и скажу: “Шпок”. Удовольствие комплексное, причин для напряженки вроде не видно, однако, бродит по мне какой-то внутренний зуд, и словно пар клубится над мозгами.

Вскоре от этого “пара” уже заколыхались очертания комнаты. Из-за него оттаивает мой верный гном, зуд закручивает человечка и выбрасывает из емкости тела. Стены и потолок встречают упавшего “за борт” тряпочным мельтешением. От порыва какого-то ветра материя задирается на манер набедренной повязки и оголяет вместо задницы закулисную тьму. Гнома сдувает сквознячком, и вот уже он во мглистом мирке неясного объема. Продолжая от первого лица, отмечу, что обживание нового места началось с дыхалки. Вдох-выдох, сжатие бежит к голове и обратно, к заднице. Волна силы бросается вперед и откатывается назад. Вдох — и втяжка приносит биения окружающего мирка. Выдох — и от жаркого выброса заливается светом похожая на аквариум сцена. Там просматривались две рыбки; я сам, вернее, карикатура на меня, и женщина Нина. Были мы некрасивые, расплющенные камбалы: живот синеватый, трупный, и багровая экзекуционная спина, бурое пятно затылка и съехавший на сторону пятачок незначительного лица.

Втяжка хватает и тащит ко мне шум разговора, объемный и рассыпчатый, кашу из телесных стуков и скрипов. А аквариум с каждым выдохом все ближе. Неслыханно, но мой собственный вид вызывает у меня аппетит! Текут слюни, вместе с внутренней волной по бокам шмыгают две струйки, горячая и холодная, но натыкаются на заглушку. Ослоболю я зажим, и они рванутся из меня, чтоб понаделать бед. Поперечными судорогами разогревается горло, готовясь выбросить проводник смерти и удовольствия.

Имею право знать, я тот или не тот, кто крадется во тьме? Если не тот, почему мне интересно, что дальше; вкусно будет или нет. Стыдоба, неужели я сомнения и страсти променял на хороший аппетит? Немедленно чесать и дыбать отсюда, дергаться и искать тропку назад. Ну вот, кажется, зацепился, вроде бы натянутая резиновая лента выдернула меня из тьмы и вернула в самое законное тело. Шар в лузе, гном в человеке. А Нина уже мажет криком воздух, подвижный рот отделен от каменеющего лица — впечатление, будто над ней кудесит ученица-двоечница Медузы Горгоны. Дамочке крупно не понравилось что-то, расположившееся за моей спиной. Мне, бывало, в школе тоже такое дело не нравилось, после урока снимешь пиджачок, а там сплошь красуются трехбуквенные слова. Но сейчас — меня не проведешь, как-нибудь знаю, что затевается там; кто, куда и зачем прется, кому я мешаю и стою поперек, кому вкусненького, понимаешь, захотелось. Ну, ешь! Резко — разворот с падением — занимаю огневой рубеж и бабахаю из нагана прямо в глаз того, кто заслужил. Надо мной свистит копье и долбает стекло, много

звона. Метательное орудие, вернее, хобот принадлежит непрелестному созданию. Вон оно, из большого горшка с фикусом выбралось уже до талии — хотя это понятие в данном случае растяжимое. Все у него шевелится, все ходит ходуном. Что такое, нашему гостю нехорошо? Соединяю куски обзора в целостную картину — хобот углубился во внутренности моей “охоты”, вот и коротнуло. Чудик взвизгнул почище вопленницы Нины и прыгнул к установке, желая помочь своему отростку. Бреющий полет обдал меня ветерком. Спешка, конечно, и глаз не ахти, поэтому гость и влепился прямо в мою игральную установку. Я еще кинул ему вслед “коктейль Молотова”, то есть бутылку пепси. Аппарат, обжигая мне сердце, полыхнул, коротнул; чудище, плюхнувшееся в него, так заревело, что я даже стал сопереживать. (А может, добрый зверь на самом деле пожертвовал собственным благополучием, чтобы избавить меня от порочной склонности к игре? Был он, правда, непрошенный гость, ну а прошенного разве сейчас дождешься.) Однако не интересующийся мотивами электростул сделал свое дело. Сцена экзекуции увенчалась запахом жареной плоти. Приговор привелся в исполнение как минимум неэкономно. Если на каждое животное по установке тратить, значит, даже на две казни не настарчишь за десять лет. Когда я останки аппарата обесточил, стеная по утраченной радости, монстр уже превратился в кучу дерьма. Кому эту кучу предъявлять? Одно, если явится приличный незнакомый мент, соскребет и айда; только на анализы мало что осталось. А вдруг Белорыбов или его братья по уму? Придется срок тянуть за то, что хотел дом, нашпигованный патриотами, подпалить. Как раз в резонанс страхам звонок в дверь — уже явились, не запылились? Но это был всего лишь старпер-сосед. Крики ему послышались, козлику. Не послышались, успокоил я его, наверное, это ваши “задние уста” так постарались. Сосед отправился внимать дальше “задним устам”, тут и Нина вышла из столбняка и стала крыть мою, как она выражалась, нору, сморкаясь бездушно на личную трагедию. Самого ведь дорогого, в прямом и переносном смысле, у меня не стало. Я даме в отместку предложил хлебнуть валерианочки да ступать домой. Тут она не согласилась, уже стала норой и логовищем обзывать свою хавиру. В общем, задержалась беглянка у меня и, кажется, была права. Потому что и она, наверняка, удрала из биоценоза. Нина признала, слегка разрумянившись, что перед тем, как задать стрекача ко мне, харчи стравила — этот неаппетитный факт мне кое о чем говорит.

Итак, утро наступает, солнце из своего подземелья на небо тикает, я, как честный кавалер, обязан некоторое еще время танцевать вокруг Нины. Первое па — доставка беглянки домой.

Дверь ее квартиры как будто и не запиралась. Еще нет повода для мандража, просто женщина торопилась вчера, чтобы опасность не успела схватить ее за убегающую попку. Вводим тела в Нинино жилище, и в комнате встречаем еще одно тело, уже лежачее. На полу расположился крутой мужчина, мало похожий на живого. У него недельная щетина, в одной руке черенок ножа, а лезвие, отколотое неведомой силой, валяется неподалеку. Вдобавок на полу и кое-что похожее на камушки, хотя я не побоялся бы это назвать осколками панцирных щитков. Нина тут же забилась в стенку, я ее вывел в коридор и, вернувшись, перекатил мужика на спину, после чего зажмурился. Как тут не зажмуриться. В груди дыра с обугленными краями — похоже, что поработал тысячевольтный электрический разряд. Кабы там была только дыра, а то ведь еще и ворота для давно опостылевших толстячков-червячков. Они потихоньку выползали оттуда, где, видимо, был у них и стол и дом. От такого сочетания я и сам припух, предупредил Нинку, чтоб замерла, как столб, несколько приседаний сделал — немного помогло. Ведь мог же и я повторить подвиг мужика. Несмотря на душевный раздрай, чувствую, что кое-каким знанием обогатился. Малыши-червяки и громилы-монстры — друзья, а может даже и родственники. Рискну подумать, что отцы и дети. И теперь получается, что пресловутый “доктор” с супершнобелем — так сказать, дама, матка с яйцекладом. Со мной она обошлась снисходительнее, чем с лежащим тут товарищем, оттого, наверное, что заметила, какой я галантный джентльмен.

Кстати, судя по одежке и тому подобному, почил не Нинин ухажер, а квартирник невысокого пошиба или даже бомж. Сейчас придется вызывать ментов на себя, надеюсь, скромный внешний вид трупа зачтется, и мне не станут шить мокруху по ревности. И вот мой робкий голос звучит в криминальной милиции, но только я заикнулся про червяков, сразу произошло автоматическое переключение линии, и уже не ментовская сиплая барышня, а роботесса нежным сопрано стала выведывать у меня адрес. Через десять минут прибыла команда, люди, похожие на ментов, как Печорин на Грушницкого. У всех интересный прикид: толстые черные фартуки, резиновые сапоги и перчатки. Старший группы, с прохладцей глянув на труп, механическим голосом поспрашивал про обстоятельства и не предложил мне проехаться вместе с ним для выяснения личности. Раз их личность не интересует, значит, это не криминалисты.

Фартучники попрыскали для начала ароматным аэрозолем, как будто пришли в уборную, потом запихнули домушника в прорезиненный прометаллизированный мешок. Нескольких

вертлявых червячков, улепетнувших от затаривания, они полили едкой жидкостью, затем подцепили совками-ловушками и отправили вслед за остальным. Последний костюм покойного был на молнии, которую спешно застегнули, и с клапаном. К этому приспособлению подсоединили баллон с красочным черепом и начали что-то перекачивать, после чего мешок раздулся и стал пузырем. Пузырь унесли, осколки панциря втянули пылесосом. Закончив дела, захотел попрощаться и старший группы. Не пускаясь в предупреждения и объяснения, посоветовал помыть пол хлоркой и, распахнув окна, пойти прогуляться часа на три. Опомнившаяся под занавес Нина еще пыталась очаровать главного фартучника и выяснить, задержись она дома, упаковали бы ее сейчас или нет? Командир группы, очарованный не больше, чем каменная баба, выдавил сквозь стиснутые зубы, что “гнездо” чаще всего устраивают в живом, а не в трупном “материале”, поэтому, кто не любит выяснять отношения и меряться силой, скорее всего останется таким же красивым. “Каменный гость” уже движется к выходу, а я еще посылаю вдогонку:

— А кто платит за ущерб, и кто напал? Мы же граждане цивилизованной страны. Каков класс, отряд, вид животного? Где можно про него прочитать? Или это не животные?

— Животные, животные, не хуже нас,— успокаивает “собеседник”, не оборачивая кумпола. И хлопает дверью.

А потом я елозил тряпкой по полу, все лишнее отшкрябывал. Только ее квартирка заблестела, Нина сразу повеселела. В самом деле, чего печалиться, как спивали гарны хлопцы, уся жизнь упереди. Кто-то кого-то зачем-то угрохал, а ей приборочку сделали и даже трехоконный телек целехонек стоит. Нинка, наверное, прикидывала, что я поторчу у нее недельку, с пустотой в башке, с наганом в руке. Потом страх у нее улетучится, она мне под зад коленкой, как примитиву, а на мое место перспективный аспирант въедет. Распахнул я окна, из дома дамочку вывел, показал на ближайшую киношку, дескать, иди развлекайся.

— Искандер, ты чего задумал? — скрывая заинтересованность, прощупала она.

— Задумывать — это мне не свойственно, излишек мыслей в моей голове не задерживается. Я домой, отдыхать пора.

— Со мной отдохнешь, Шуренок.

— Теперь хочу сам с собой. Кстати, вспоминаешь ли ты иногда тех, кто уже бесполезен? Что у Файнберга не все в порядке, тебе вполне известно, в отличие от его родных и близких. Могла и весточку дать, или, например, “кадиш” поминальный заказать.

При слове “кадиш” она, не забыв, как держать фасон,

фыркнула, словно лошадь, и я увидел спину. А также ножки, которые у нее ничего. С ними хочется дружить. Плюс надо учесть глаза-черносливы, рот-компот, попку-булочку, уши-оладушки, живот для плохой еды поворот, и так далее, как описал бы мой знакомый повар. Но все равно, некоторые параметры подкачали, и вообще, до Нины ли сейчас.

В ночной дозор мне завтра; домой, на пепелище возвращаться неохота — сегодня моя уборочная энергия иссякла. Раз так, явлюсь-ка я в свое охранное бюро, к шефу Пузыреву. Ведь, кажется, дозрел, мнения меня распирают, еще немного и начну орать на улице.

— Ну, головная боль, какие неприятности на этот раз привез? — поприветствовал шеф.

— Кто станет возражать, что я ходячая проблема, товарищ кормилица. А теперь все сделаю, чтоб моя неприятность и вашей стала. Рад бы, но не могу помалкивать. Я ИХ знаю, насквозь вижу, и мальков, и взрослых. Это они ученых убили…

Я говорил час, не умолкая; убедительный, как индеец, исполняющий боевой танец. Я описал все в живописных подробностях, смачно, как Рубенс, однако, обобщая и выходя на ужасающие перспективы.

— Ладно, ты собрался в каждой заднице затычкой быть, а чего ты от меня-то хочешь? — наконец перебил Пузырев. Во время расцвета моего ораторского искусства он или звонил по телефону, или изучал газеты, или зевал. — Ты бы лучше сходил, подстригся, вон какая кутерьма на голове.

— Я ничего не хочу. Я просто озвучиваю своим ртом ваш внутренний голос. Для Моисея этим занимался Аарон. Я уверен, то, что было с нами, только разминка, десерт, буфет. Пока попортили добро лишь там, где много щелей и двери хиленькие. Но у неприятеля способности день ото дня увеличиваются, в отличие от нас. Гады развиваются не как-то душевно и психически, а вполне физически. Нам ведь никто не поможет, государственные мужи и пальцем не шевельнут. Вернее, заботу они все-таки проявят, прикажут аккуратненько совать нас в мешки. Может, в виде поощрения за хорошее поведение, спрячут в холодильник. Легко будет с нами общаться, когда мы скопытимся.

— Это все бездоказательно, одни вопли. Если все наоборот, то тогда я еще поверю,— скучным голосом стал усмирять Пузырев. — Ну, закончил страстную речь номер один?

— Вещдоки сгребаются подчистую и сдаются в контрразведку людьми из СЭС. Можно сказать, органы идут в органы. Но чтобы СЭСовцы ничего не положили в карман, с ними ездит

надзирающий. Я видел его физиономию, на ней все написано. Собирательство — вот чем нынче увлекаются спецслужбы и секретные лаборатории.

— Ну, допустим. Если так, значит, умные люди, столь непохожие на нас, накопят сведения, покумекают и выложат народу необходимую правду. А пока не торопятся, чтоб пресса не бесилась, не нагнетала,— вид у Пузырева был по прежнему откровенно незаинтересованный.

— Но почему правда опаздывает, а с “трупным материалом”, с разбоем все зашибись? Может, кое-кому слишком надоели приличные самостоятельные люди?

Пузырев по-прежнему реагировал вяло:

— Не расстраивайся, мы с тобой, братец, неприличные люди. Я — делец на час, но хоть завтра чепчик с кокардой натяну. А ты вообще, сторож у крыльца. Ты мне предлагаешь вопить: “Пусть сильнее грянет буря” и выпускать страшный дым из порток. Зря, мы ведь не любимцы народа, не мозг и сила класса. Мы делаем, что велят, а потом становимся в очередь к кассе, где дают деньги. Пока что велят не пускать в этот теремок преступный элемент; про мышку-норушку, лягушку-квакушку и прочих гадов в контракте ни слова. Понимаешь, мы контракт читаем, а не сказки.

— Понимаю. Разрешите пожелать вам хорошего контракта на охрану общественных уборных от преступного элемента.

— Ты меня не уязвил, Санька. Если хороший, то станем сторожить от осквернения и один отдельно взятый толчок. Вообще-то содержательный получился разговор. Кстати, о чем мы говорили?

Не дождавшись отклика, я закрыл дверь кабинета с другой стороны и сел на трамвай, везущий домой. Жалко, что приличные люди думают только о себе и никогда не сбиваются в кодлы и мафии. Несколько часов после такой беседы был даже не против, чтоб кто-нибудь меня скушал. Пусть хоть кому-то будет прок.

Мой ночной сон разрубил пополам бодрый, похожий на меч, голос Пузырева. Уж такого наглого звонка долго не забуду. Я натянул рубаху на тридцать процентов, носки на пятьдесят, штаны на десять — это рефлексы сработали — лишь потом схватил трубку.

— Где ты был, я тебя искал все время? Сейчас, товарищ Саша, облегчи голову, поруководи. Давай указания по проведению комплекса защитных мероприятий. Я договорился с правлением технопарка и гениальным директором, то есть генеральным. Ну, смелее начинай: углубить и укрепить то-то и то-то…

— В темное время суток только блатные паханы указания дают,— не сумел избавиться от недоброжелательства я.

— Если будешь кривляться, уволю. Не когда-нибудь, а завтра пойдешь сторожить сортиры,— изуверским тоном предупредил Пузырев.

— О, это совсем другой разговор. Охотно поруковожу. Лет сто никем не командовал, вернее, меня давно никто не слушается, кроме солнца на небе. Итак… самый лучший вариант защиты — это обмазаться ядом и дать себя скушать…

А потом я поведал то, что всплыло на поверхность разжиженного храпом ума-разума в моей разгромленной, похожей на Шевардинский редут, квартирке. О бронированных дверях и замках на люках мусоропроводов. О мощных решетках на отверстиях вентиляционных шахт. О зацементированных трещинах в подвалах и вычерпанной там воде. О вышвырнутом шматье и другой параше. О двух сплошных периметрах датчиков, по прилежащей территории и нижним помещениям. Ну и все такое.

— А ты знаешь, певец,— вызверился Пузырев, в котором, видимо, покой бился с волей,— какой золотой дождик всосет твое “все такое”?

— Во-первых, деньги не ваши, скупиться не стоит. Во-вторых, мне кажется, я-таки дрыхну и втюхиваю что-то персонажу сна. Утром обязательно буду искать толкование по соннику. Конечно, это сон, причем плохой. Наяву бы собеседник ухватил идею с полуслова и сказал бы: “Классно. Коррида. Кайф”.

6

Один я в целом доме, как мумия фараона в пирамиде. Уж две недели как с моей подачи сделали укрепрайон, а то и линию Маннергейма из технопарка. Двери утяжелили и кругом замков понавешали. Погуляешь немного, и былая жизнь сахаром покажется. Положено теперь носить бронежилет и шлем — такого подлого результата я не ожидал. Всякая фигня, вроде жрачки или сортирных процессов, становится творческим делом, как у рыцаря в доспехе. А вот вооружение хилым осталось, подростковым. Тот же наган сбоку болтается. А раздобудь автомат, и считай, десятку схлопотал; лагерные-то беспредельщики переплюнут любого зверя, живого или сказочного. Однако, есть и у нас хитринка в усах, способ перейти вброд уголовный кодекс. Вот лежит под стулом машинка, похожая на магнитофон. Это газорезка из лаборатории металлообработки. Поди докажи, прокурор медведь, что она не опытный агрегат, не сверхнаучный прибор, снесенный для пущей сохранности в рубку сторожевого бойца. А еще три гранаты от Самоделкина к жилету прицеплены. По внешности это банки пива, пролил из них жидкость — тут же она и испарилась. В мое лицо с пуза смотрит терминал от компьютера, который сигналы датчиков собирает и обсусоливает. Когда он понимает, в чем причина возмущений, то сообщает мне вежливым голосом и красными буквами.

Так вот, последние две недели ни одна тварь даже не дристанула нигде. Только непонятно, две недели сидели гады по норам, чувствуя на себя управу, или же издевательски слонялись где попало, а компьютеру было не ухватить суть. Я, впрочем, не ждал, разинув рот, компьютерных откровений, а, наоборот, хватался за каждое отклонение сигнала от обычного вида. Шуровал рельсовыми видеокамерами, сновал между сомнительными участками и рубкой — физзарядка есть, а толку нет. Поскольку я по большому счету, неуч, то подозревал даже, что основная часть возмущений — это радиопомехи, устраиваемые нашими гусеницами для сокрытия своих вылазок.

Сегодня датчики “разорались” по-страшному. Я посуетился, вспотел, нашел лишь в одном месте дребезжащую на ветру форточку, наконец, успокоился, пил кофе и ковырял в носу. Делать нечего, на тысячу маленьких сторожат не разорвешься, поэтому если вдруг приползут каверзники со всех сторон, то ядом навряд ли обмазаться успею, но подпустить поближе и взорваться большой компанией — это пожалуйста. Итак, сижу я в полном раздрае, стал даже язвить в свой собственный адрес. Поменьше

шали я головой, побольше повергайся в прах перед профессорско-преподавательским составом, блестел бы сейчас образованием и воспитанием; и разве сошлись бы тогда тропки мои и каких-то уродов, у которых ничего на уме, кроме расползания, жрачки, размножения и прочих гадостей. От обиды личный гном раскачался, как на качелях, и улетел, будто перышко, кувыркнулся раз пятьсот и влип. Несколько секунд я (то есть он) во что-то погружался, растекался, и вот освоился в чужом организме.

Выдох продавливает волну вдоль тела, ей сопутствуют два ручейка по бокам, жаркий и студеный. Пенисто смешавшись, они заполняют мир вокруг, заставляют все разбухать, разворачиваться и показывать нутро. Просматриваю потроха каких-то стен и шкафов, бумаги вообще похожи на хлебную плесень. Втяжка приносит биение “теплого-влажного”, от какого-то предвкушения становится кисло во рту, вскоре пузырьки моего зрения выворачивают, как авоську, крысу. Резким сжатием в глотке сшибаю свои ручейки, вырывается на этот раз жгучая пена. И вот какой от нее толк — она впитывает крысу, и та меняется в лучшую сторону, становится горячей и рыхлой, в общем, хорошей, как пожарская котлета. Я, кажется, узнаю местность — подвал с архивным хламом. Какова задача и сверхзадача? Найти “теплого-влажного”, только большого, засевшего на перекрестье путей. Раскусить его, что тоже будет вкусно, и узелок развяжется. Откроется много ходов в кристалл владычества. К той прекрасной светлой грани, что придает могущество плоти, несокрушимость волне. К чудесной ярко-черной грани, несущей бессмертие, неистребимость во тьме потомства. К ароматной алой грани, в которой таится радость вкушения побежденного врага. К той благоухающей синей грани, что изливает счастье превосходства нашего единства над сборищами чужих.

Пора тикать, мой гном-Штирлиц вылезает из тела наглого урода, как из липкого кала, и напряжение среды, постепенно уменьшаясь, вкручивает его по спирали обратно. Все на месте, гном и я, мы снова в рубке, выделенной буфетными стойками площадочке посреди холла в стиле неоготика. Хочется в таком месте не отстреливаться, а продавать компот. Но друзья торопятся ко мне, прутся со стороны архивного подвала — мне ли не знать. Скорее всего, они придут по коридору левого крыла и попросят любить да жаловать. Как же любить? Железяка-дверь их только насмешит. Я бросил рубку и залег, выглядывая из-за стойки, как в артобстрел, сморщившимися от напряжения щеками. Жуя рукой такой маленький наган, готовлюсь к встрече морально-психологически, как боксер. Накручиваю себя, внушаю,

что соперник — обычная вонючка, которую я скоро посажу в клетку и буду пускать дым от сигареты ей в нос. И вот подготовленный гном опять сигает с “качелей”, технология этого дела вроде отработана.

И снова я — гад ползучий. Ползу, но вся обстановка не проплывает мимо тебя спереди назад, как принято у приличных животных. Вещи появляются слева, мелкие, слегка сплюснутые, размытые; в центре они уже четкие, всерьез расплющенные, среднего размера, а справа большие, совсем размазанные. Потом очертания вообще теряются, тени тают. Вот дверь выскочила из точки и пошла в хороводе, недаром же она женского рода. Сталкиваются прибежавшие с боков потоки пронизывающей силы. От пенистого выдоха, почти что плевка, начинается крутое кино, дверь комкается и добирается до меня уже в виде развернутого жеваного журнала. Хорошо проглядываются жилки и раковинки металла — из какого дерьма нынче штампуют ответственные предметы. За ней, в дальнем круге, тот самый “теплый-влажный”. Дверь расползается под действием моей головы, как размоченный хлеб, мелкие выдохи прочерчивают прицельную ниточку из пузырьков прямо в самую середку “теплого-влажного”. Следующий “плевок” приготовит блюдо мне из него. Хочу харчо.

А вот этого не надо. Я ведь точно против того, чтоб лакомиться самим собой, даже в крайнем случае отсутствия других продуктов. Пусть любой жрет, только не я. Сдергиваю с себя вражескую оболочку и подаюсь назад по пуповине, которая связывает меня с исконным местом обитания.

Вот увольнительная закончилась, сплюснутая мина вражеской башки превратила в цветочек заискрившую дверь. Маска, я вас знаю, как говорят в опереттах. Я был готов, поэтому сразу попросил помощи у дружка нагана. Килограмм металла прыгнул в руке два раза. Первый посетитель никнет, кажется, зацепил я его. Но следом торопится отдать визит другой, которому не помешала бы паранджа. Свисают сопли — это от праведного гнева. Сияющая капля электрического пучка сожгла правый угол рубки. Я вовремя соскочил с оси удара, наверное оттого, что “качели гнома” опять скрипнули, принеся интересные сведения с вражеских позиций. Знавал я таких гостей, которых только пуля остановит, этот был из их числа. Три комочка свинца встряхнули настырного визитера, и он несколько обалдел. Что говорится, убить не убил, но избил до полусмерти. Тут же на пострадавшего стал наползать следующий из очереди. Парочка не сошлась во мнениях, кому через кого ползти — твари все-таки — чем воспользовался я, опробовав свою газорезку. Она им понравилась примерно так же, как струя из поливочной машины

прохожему. Пока они морщились, в разрядной сеточке стали “вариться” все другие двери, включая ту, что ведет во двор. За компанию и пол пытался встать на дыбы. Без всяких датчиков понятно, что еще десять секунд обождать, и останется только написать на столе: “Погибаю и сдаюсь”. Я задал стрекача к лифту, а он под воздействием кнопки трещит, жужжит, поет, словно кенарь, но не больше. Я бы такую рекламу происходящему дал: “Смерть в зале обеспечивается удобной планировкой и качественным оборудованием”. Последний вариант исчезновения из фильма про животных таился в подъемнике технических грузов. Вариант заурчал, как верный пес, и показал огоньком, что “рад стараться”; я, хоть и навернул утром с тоски бадью каши, но втиснулся в люк. Устроился в турецкой позе, начинаю взлетать, кайфую, как владелец ковра-самолета, а в холле вечеринка в стиле Лысой горы, лопаются “разваренные” двери, обваливается пол. Страшные нервические звуки и вредное для работы место расстаются со мной, жаль только, что слишком медленно. Зато разбухает сознание выполненного долга, как выражаются генералы при вручении медалей и значков: “Все, что могу”. И мнилось мне, звякну-крикну с какого-нибудь этажа, и пришлют за мной карету, вернее, вертолет, или хотя бы завалящий дирижабль. Почему-то этот дирижабль с салоном и баром прикипел к моему сердцу, а то и к другим органам. Если пришлют, я отныне никуда не суюсь, будто меня и нет вовсе. Буду ждать, когда начнется что-нибудь всенародное, поддержанное прессой и подходящее для начальства, вроде крестового похода или великих строек. Родионы-дуевы и прочие консервы убедятся, что монстры слопали всех мелких наглых соперников вместе с их мелкими наглыми достижениями. Подыщут тогда положительных героев, Минина и Кутузова, поднимающих на борьбу против зверского ига. Объявят призыв в канализационные части и мобилизацию подвальных войск. Наверное, когда-нибудь в процессе драки выкристаллизуется что-нибудь умное и сноровистое. Но такие, как я, были первыми камушками, о которые ломали клинья и крючья. Нам желательно памятник поставить, и лучше бы при жизни. Хотя бы один на всех, можно без коня и змеи, просто в виде фиги, но чтоб под монументом вместо музея — пивзал. И конечно же, пиво персонажам скульптурной группы без очереди, за символическую плату. Я так застил себе глаза видами величия, что не заметил подкрадывающегося кондратия. Как раньше напевали: “И вновь продолжается вой”. Сжимаясь и разжимаясь, будто гармошка, с легкой музыкой разрядов, напоминающей попукивания, шурудя мелкими брюшными лапками, увивался следом человекоед.

Молнии становились все менее разминочными, оттого-то и запах поганый пошел от резиновых деталей моего подъемника. Я, подвывая, выбрался из турецкой позы и трахкабысдох из нагана. Ну и что, брызгануло пару струек, хлюпнули, как в желе, свинцовые пилюли. Газорезку не употребить, могу себя поджарить. Подъемник подпрыгнул, как нервная лошадь, это хобот воткнулся в площадку, и теперь уважаемому оппоненту оставалось только втягивать свое метательное приспособление, как макаронину, становясь все ближе ко мне. Электропроводный хобот добавил напряжения, площадка раскалилась, как противень, и даже мои слоеные подметки, даже чечетка на корточках не спасали. Дай-ка и я чего-нибудь позаимствую у животного мира. Раз хобот не вырос, буду подтягиваться по несущему тросу, удирая от своего ненадежного ковра-самолета. Вскарабкался метров на шесть, тут площадка стала дрыгаться и искрить, как пьяная женщина на танцах. Сдернул я с петельки гранату и уронил. Полыхнуло, подбросило, заволокло вонючим дымом, хорошо, что она не осколочная, бронетрусы мне забыли выдать. Однако, эпизод с получением пламенного привета был последним из жизни страшилы. Лифт подорвался у него на наглой ряхе и унес его в поля Счастливой Охоты.

Трос уже не наматывался на барабан, а спокойно висел над дырой шахты, и я вместе с ним. До выхода-люка один метр. Этот метр, чтоб ему исчезнуть из палаты мер и весов, выдавил из меня последнюю силу. Я отжимаю ножом защелку замка, а мозги уже заволокло дымкой, руки стали, как крюки, впившиеся в мое мясо, а шахта кружится вокруг, будто вальсирующая Матильда. Потом я “плыл” с креном и дифферентом подбитого эсминца по коридору. Если седьмой этаж, надо добраться до лаборатории химиков. Я там кучу телефонов высмотрел, когда приходил справляться насчет рецепта приготовления спирта из стула (не жидкого, а того, на котором думают). Два шага всего прохромать, а ведь чуть не влип. По дороге дверь с лестницы была, с кодированным замком, модно приодетая в броню. Так вот, я до нее чуть-чуть не добрался, как внутри меня словно часы затикали, что-то заекало и качнулось. Опа, мой старый испытатель гномик усвистал за дверь, которая перед ним свернулась, как листок бумаги. На “той стороне” — много позже узнал, что каббалистами так обозначается область темных сил — маленький шпион свалился в ямку чужой хищной жизни. А она как раз готовит атаку на мою фигуру, проплывающую по кривой мимо свитка двери. Гномик, ухватив ситуацию, освобождается от вражеской оболочки, возвращается назад и начинает меня подзуживать. В голове звенит мысль, что война спишет убытки, я срываю гранату с

жилета, под дверь ее, и пародируя темнокожего рекордсмена с курчавой головой, совершаю тройной прыжок имени барона Кубертена. Когда приземлялся на лоб в заключительной третьей стадии, сзади хрустнула дверная броня, как кусок сахара, а следом фукнула взрывчатка. Мне поддало под зад, перевернуло и влепило в стенку. Без каски голову потерял бы в прямом и переносном смысле. Впрочем, какое-то время я был уверен, что сохранил только шлем. Кстати, рядом упала и стала щелкать серпами-молотками еще какая-то голова, кажется, не моя. Сочувствовать некогда, надо вспоминать, чем я тут занимаюсь. Методом выбрасывания третьего, четвертого и пятого лишнего из взлохмаченных мозгов, едва допер, что надо свернуть в лабораторию. Там стал проникать звонками в спящий мозг Пузырева. Наконец, энцефалограмма шефа оживилась, и мой заплетающийся голос заставил его хрипеть: “Хамье… докатились…” Наоравшись, унялся несправедливо разбуженный, вошел в положение и пообещал похлопотать о винтокрылой помощи. Харя Харон уже подгребал к моему берегу, считая, что поздновато для всякой суеты. “А кто будет расслабляться и думать о вечности, Пушкин что ли?” — подпускал ушлый паромщик. Я был уже не против, но руки-ноги шуровали по инерции, а может, сам гномик жал на педали. Он велел не только дверь кабинета запереть, но еще и прислонить к ней шкаф с диваном, обязал для извлечения сил доесть беспризорный пирожок. Покомандовал мной, потом принялся раскачиваться на своих любимых качелях, разглядывая искателей счастья, марширующих по коридору с электрическими песнями. Все распластанные, низколобые, зато с яркими хватательно-жевательными способностями. Они были вместе и заодно, что не исключало подчинения и жертвования одних ради других. Они гордились своей страшностью, как генералы жирными звездами на погонах. Каждый знал свое место и то, что пирамида власти на нем не заканчивается. Она уходит в великую высь, требующую не поклонения, а только внимания и четкости на пути к сияющему кристаллу владычества. Марширующие были особенно чутки к глубинным пульсам “теплых-влажных”, к этим трепетаниям, говорящим о слабости, упорстве, крепости, разладе… Тому “теплому-влажному”, что ближе всего, лучше остаться здесь навсегда. Пульс его скрыт: тверд и груб, как комья земли, чуть уйдет вбок — и неотличим от шума тьмы. Скоро-скоро произойдет долгожданное расставание с такой помехой, такой затычкой для воли. Кто был плохой, тот станет совсем хороший. Нет ничего вкуснее сильного врага!

В револьвере два последних патрона, вот и весь боезапас.

Больше нет гранат, как сообщается в одной подходящей песне. Вернее, одна завалялась в кармане. Газорезку я еще в коридоре обронил, когда кувыркался. Что пять минут грядущих мне сулят, кроме харакири, как пригодятся четыре миллиарда лет эволюции и революции? Почему крепкая броня, быстрые танки, реактивные космопрыги и Х-бомбы ничем не лучше пушки из говна? Где красуется поганка-цивилизация, оставляя Файнберга, Веселкина, меня наедине с новым венцом природы, который желает стать венцом на наших могилках? А может, цивилизация вовсе не для нас, мы только лепим кувшин, а хлебать из него будут другие?

В конце мрачного пассажа я замечаю два баллона, в застекленном шкафу стоят, с хлором в пузе первый, а второй инкогнито. Двумя последними пулями — какая романтика и героика звучат в этих словах — проколол обе емкости. Зашипел, поступая ко всем желающим и нежелающим бесплатный газ. Наган, выступив в роли простой болванки, раскурочил окно. Сдернул я пластиковую занавеску, одним узлом прицепил к батарее, другим с себе. И шагнул “за борт” технопарка. Вот я уже сушусь на веревке, на метр ниже подоконника, могу нырнуть и в окно шестого этажа, если будет в этом смысл, могу стать птицей, правда, ненадолго. Расстояния до земли разучился я бояться как следует еще в шахте лифта, но там высота была камерная, а тут, хоть и смазанная темнотой, но классическая. И все-таки высота мне больше нравилась, чем общество грубиянов-монстров. Правда, было обстоятельство, которое сминало настроение в ре-минор. Спасательница-занавеска потихоньку “текла”, то есть растягивалась, собираясь когда-нибудь лопнуть. А в лаборатории уже принялось все падать, отлетать, отскакивать. Двери, шкафы, стулья. Отчитав добросовестно до семи, я чуть приподнялся, подкинул туда взрывной гостинец и опять съехал вниз. Два толчка почти наложились друг на друга, шпокнул боеприпас, а потом ухнула сдетонировавшая смесь хлора, воздуха и того джинна, что вылеживался во втором баллоне. Над моей головой бросились на улицу всякие ошметки, я же поспешил в лабораторию, чтобы больше не мучить занавеску. Когда уже цеплялся за подоконник, там что-то продолжало валиться с потолка. Вот уселся я в оконном проеме, комната завалена хламом, а тот, в свою очередь, засыпан белым порошком, то ли солью, то ли штукатуркой. Некоторые кучки даже продолжают ворочаться и проявлять недовольство. С этого подоконника мне линять не стоит. Те, кто возражают против моей жизни, сейчас могут быть везде: на этаже, на лестнице, на крыше. Круто я их раззадорил своими оборонными мероприятиями. Где-то неподалеку, аккомпанируя моим соображениям, потрескивали

разряды. Кто охотится — тот прав, он более прогрессивен. Нашелся огрызок карандаша, пора писать: “Обнаружившему мои кости, просьба в ведро не бросать”. Электрическая песня льется все ближе и ближе, для меня исполняют, можно сказать, по заявке. И слова там, наверное, такие: “Люди, мы любим вас. За ум, доброту и мясо”. И вдруг, заглушая треск марширующей дряни, загребли вертолетные лопасти. Я стащил с себя шлем и замахал им, как бешеный человек. Наверное, такой приступ заметили, потому что вертолетный гул сместился вверх и отклоненная козырьком крыши веревочная лесенка заболталась в полуметре от меня. То ли прыгнул, то ли рухнул, но шаткую тропу в небо ухватил. Вертолет сразу съехал в сторону, и совершенно правильно поступил, потому что в окошке с моего подоконника заулыбалась крюкастая морда. Пулеметные очереди — я кайфанул от этой музыки больше, чем от Баха-Бетховена — помешали ей ссадить меня, так сказать, с подножки. Недовольная физиономия скрылась с видом, будто ей не дали подышать свежим воздухом, длинно сплюнув напоследок припасенной для меня слюной.

В кабине геликоптера встретился огнедышащий Пузырев.

— Ну что, накудесил, негодяй, Рэмбо за чужой счет. Чихал я на барахло в технопарке, понял,— он для убедительности сморкнулся в иллюминатор, по деревенски, одной ноздрей. — А вот за вертолет будут вынимать из моей зарплаты, а следовательно, и из твоей. Вылет-то коммерческий. Боролся бы за свободу поскромнее. Попросил бы, мы тебе и охотничий аппарат новый поставили б, и складную баррикаду.

— Вылет из вашего носа можете считать коммерческим. Я думал, все бесспорно… как я ошибся, как наказан. Прошу послать меня на конференцию по птичьим правам! — кричал бы до завтра, заряд недовольства я ого-го какой накопил. — Вы же видели Мону Лизу, улыбнувшуюся из окна? Неужели такие лица в вашем вкусе? Вас что, в детстве по Эрмитажу не водили?

— Ты только сегодня морду увидел, а я всю жизнь их наблюдаю. Даже когда в зеркало смотрюсь.

Возмущенный до глубины пуза босс Пузырев стих. Боюсь, по-своему он был прав. Кроме него и пилота, в кабине сидел еще стрелок, крутой мужчина в пятнистом комбинезоне и шлеме с зеркальным стеклом; похоже, он и стрекотал из пулемета. Такие могли бы повоевать, если бы начальство приказало. Сама машина была лопухово-салатного, то есть, маскхалатного цвета, и с ее помощью явно носились по воздуху люди из спецподразделения МВД. Сейчас вертолет висел метрах в двадцати выше крыши. Там уже загорало под полной Луной пяток образин. С легкой грустью

и даже укоризною, слегка поигрывая слюнями, они поглядывали на винтокрылую технику со вкусностями внутри.

— Подними, подними свой крылатый стул, а то сейчас восхищенные зрители пришлют хобот за филе, сам знаешь, чьим, — предупредил я пилота, и тот решил быстренько увеличить промежуток между собой и любителями свежего мяса.

— Коммерческий, значит, для меня вылет,— обида, типичная для незаметных героев, обуяла меня. — Мое потрепанное боями тело перевернут вверх карманами и станут вытряхивать последнее, чтоб я потом на пиво просил на паперти. А те тварелюбы, что у казны-кормушки, начнут искать решение проблемы монстров политическими средствами, находить точки взаимопонимания с товарищами из животного царства, говорить, что все мы дети одной планеты, такой маленькой в безбрежном океане космоса, станут крепить дружбу, испытывать чувство искренней симпатии и духовной близости. А для духовно далеких останутся меры воздействия и пресечения: блокирования, оцепления, фильтрации, карающие кулаки и справедливые дубинки.

— Сейчас как высажу обратно. Наверное, мало тебе,— отозвался Пузырев, которому я так надоел. Даже пилот, хоть слова ему не давали, назвал меня “говорящим горшком”.

— Вопрос поставлен прямо. Может даже ребром. А то и на попа. Придется отвечать: мне не мало.

— Наконец, я слышу речи не мальчика, но мужа,— отозвался зеркальный шлем и представился. — Майор Федянин. — Потом стал доступно объяснять. — Представь, в твоем охранном бюро не тридцать, а тридцать тысяч голов. Тогда приплюсуй командиров-старперов и сановников-кормильцев, которые желают без всякой обузы пройти к светлой министерской или дачно-пенсионной жизни. Да еще государственные интересы, которые с общечеловеческими не совпадают. Да соблюдение секретности, да экономия средств, да требования устава и почти-разумные указания начальства о том, как все делать. Так что, милый мой, сколотись эдакая дивизия, ничего приятного от нее ты не дождешься, будь уверочки.

Спорить больше не хотелось, по всему видно, что майор, если надо, развалит доводы оппонента вместе с его головой. Пока рассуждал Федянин, пилот облетел здание и направился домой. И тут без спросу, проявив дурной вкус, пятерка зрителей с крыши вступила в игру и теперь составляла геликоптеру почетный и летучий эскорт. Подсвечиваемый нашими прожекторами нежуравлиный клин тащился следом, слегка повизгивая, но не выдавая секрета движения.

— Кажется, борьба продолжилась и за помостом. Совсем рядом курлычут. Неужели антигравитация виновата? Нет тут поблизости хоть завалящего академика для консультации? — обратился я к компании спасателей.

— Виноват понос большой силы,— простодушно, как на масленице, проконсультировал “академик” Федянин.

— А вот и желанный плюрализм во мнениях. Я уж решил, что у нас одна мысль на всех. При этом находится она у меня. Кто еще хочет высказаться?

— Да, зря мы гуманизм проявляли,— тоскливо зачмокал губами Пузырев.

— За тобой ведь летят, Александр. Отдать просят.

— Не волнуйтесь, господа. Со мной они уже пообщались, теперь их коллективный разум и индивидуальное брюхо новеньких собеседников просит. Мне ли их требований не понимать,— возразил я. — Может, кинуть им конфет, авось отстанут.

Настроение в основном было еще не грустное, пилот стал класть машину в разные известные ему виражи. Федянин просунул свой крупный пулемет в бойницу и деловито застрекотал вновь. Пузырев орудовал прожекторами, как опытный театральный осветитель, а вдобавок, свесившись за борт, бил без промаха из своего “Макарова”. Один я ничего не делал, и правильно, между прочим. Тридцать секунд обстрела, и Федянин с Пузыревым зачертыхались, заматерились. Лучи подсветки уже не забирали у ночи своеобразные фигуры преследователей, а рассеивались в радужные облака, которые совершенно скрывали догоняющих.

— Это даже мне понятно. Соответствующим облаком воспользовался и Зевс, обстряпывая свои блудные дела,— пояснил я расстроенным людям. — Таковы отражательные свойства панциря, обычная линейная оптика.

— Я заставлю сволочь быть теплее воздуха,— взревел майор, пытающийся разглядеть что-нибудь в инфравизоре.

— Не воспитывайте их, майор, они слушаются только своих. Да наверное, и теплоизоляция у них тоже будь здоров. Всем, что напридумывали наши умники, “сволочь” успешно пользуется. Успеем ли мы понять, как так получилось?

А спутникам уже не до общих рассуждений. Пилот запаниковал и стал бросать машину в разные стороны, будто у него чеснок в заднице. Пузырев заерзал, и даже крутой майор вытащил из-за голенища сапога широкий нож с зазубринами, мол, живым не дамся, по-моему, он собирался даже тельняшку порвать. И тут осеняет, меня, конечно. Может, гады попросту к

нам приклеились? Когда вертолет над ними висел, харкнули они, слюнки прилепились, затвердели и стали, например, силикатными тросами.

— Да, это вам не с людьми работать,— говорю я приунывшим спутникам.

— Мое дело, естественно, сторона, но я бы пролетел над домом или лесом почти впритык. Те, кого мы все не любим,— надеюсь, разночтений в этом нет — плюнули на нас.

Изъерзавшийся Пузырев замахал руками:

— А ну, засни.

Но майор Федянин ткнул пилота в спину, чтоб послушался меня. И авиатор, который, кажется, уже обделался от страха, спорить не стал. Рукой было подать до Шаглинского оборонного центра — высокого удобного здания. Пилот резко спикировал на него, монстры тут уж не могли никаких фортелей выкинуть и въехали в стенку. Приклеенный вертолет мгновение скрипел всеми своими костями, а потом его отпустило, вернее, швырнуло вперед — прямо на заводскую трубу — но радужные облака уже погасли. Пилот как на скрипке сыграл, положил машину на правый борт, так что полозья лишь шуршанули по трубе. Мы, конечно, бросились хором провозглашать традиционные мужские здравницы, начинающиеся на скромную букву “е”. Я даже уточнил у пилота, почему нет на борту надписи: “Портить воздух во время полета запрещено”. Впрочем, рано пташечки запели. Искусили мы Фортуну, прелестница снова повернулась к нам задом. Машина вдруг задрыгалась, пилот закостерил приборы, в кабине стало жарко, пахнуло озоном, смешанным с интенсивной гарью, Пузырева ужалило обычное прикосновение к металлической детали, он, обиженно сопя, стал дуть на свою руку. Я метнулся к подсветке, так и есть — одно облако померкло лишь на время, мы в приступе радости и не заметили, что его владелец остался с нами. Из сияния к машине протянулся электропроводный хобот. Всплыла откуда-то неуместная цитата: “Мы ответственны за тех, кого приручаем”. Но способный пилот выручил всю честную компанию. Вначале чуть ли не упал вниз — я и с жизнью наполовину попрощался, думал, что парень взбесился — а потом повел свою машину по кронам деревьев, напоминая тракториста на колхозном поле. Мы минуты три бились-метались в кабине, душа вместе с пылью вышла, но забортный товарищ по несчастью наконец споткнулся о какой-то дуб, под которым сам Илья Муромец нужду справлял.

— Замечательная смерть замечательных людей откладывается,— пытался схохмить я, успокаивая Федянина, который явно стеснялся минутной своей суеты, и залившегося

лицевым потом Пузырева.

Прилетели на базу где-то в Горелово, оттуда меня с шефом постарались поскорее выпроводить. Только успели полюбоваться на печально знаменитые клинья, застрявшие в пятнистой шкуре машины, на жалкий и потрепанный вид некогда гордой железной птицы.

7

Вертолетное сафари в копеечку обошлось. От меня, правда, вскоре отстали, разобрались, что я стеклотарный боец и “бабки” у меня долго не задерживаются. Это о личном. А теперь об общественном. Наутро тварей в технопарке не было, правда, все, что получше, они погрызли, или обгадили едким дерьмом. Напрасно я доказывал свою геройскую роль, охрана стала политическим трупом и, не собираясь вскоре возвращаться, покинула поле недавней битвы на катафалке. Вернее, на пузыревском микроавтобусе. Больше того, нашлись человекообразные твари, которые утверждали, что я своим сопротивлением спровоцировал разбой. Поэтому, если б не рассчитали пузыревскую команду, я все равно ушел бы в утро туманное, подняв воротник старенького плаща. Хорошо, что тонкость душевная мне не свойственна, а то бы испереживался до блевоты. Напротив, своим оскорбителям я кое-что рассказал про пидеров, готовых подставить очко любому встречному властителю-повелителю. Увы, как ни горько, без материальных потерь не обошлось, в ближайшей ментовке нарисовали мне штраф за “фулиганичанье”.

Естественно, что и фирмы не собирались больше кучковаться в этом разгромленном бардаке. За неделю-другую, отъев друг дружке хвосты и бока, поделили бывшие товарищи останки общего имущества в судебных присутствиях, да и разбежались по углам медвежьим, волчьим и кроличьим. Итак, нарыв прорвался. Родионы-дуевы торжествовали вполне, потому что их взяла, некогда приличные самостоятельные люди шли к ним с повинной яйцевидной головой корячиться за фотку на доске почета в оборонных “шарашках” или раскладывать пасьянсы из бумажек в НИИ. А бюро наше усохло раза в три, ребята без претензий занялись хранением тел кинозвезд, боксеров и прочих незамысловатых миллионеров; ловлей сбежавших от побоев жен; застукиванием прелюбодейных мужей — с организацией появления супруги в ответственный коитальный момент. А подлинным орлам, включая меня, пришлось отвалить из бюро, распрощаться с милейшим Пузыревым, не забыв выходного пособия, и застыть в своих гнездах в ожидании интересной добычи. Занятие я себе подыскал, народная моя мудрость подсказала: пить надо регулярно, чтобы доступный гадам мой глубинный пульс был скрытым и незаметным.

Вычислив стоимость своего движимого имущества, отсутствующей недвижимости, денежных активов с пассивами, я

убедился, что общество обойдется без моих трудовых усилий в течение полугода, причем количество бутылок может равняться количеству дней отдыха. Наверное, проклюнувшийся вывод был несколько схоластичен. После трех вечеров, потраченных на Нину и харчо с цинандали в ресторане “Кавказский”, вдруг до меня дошло, что больше двух месяцев не продержаться, даже если буду стоять насмерть. Другое дело, если увеличить количество светлого и разумного в жизни. Я стал активничать, как партия в 29-ом. Насобирал ягод по дачным участкам с отсутствующими хозяевами, поставил, что можно, бродить на вино, застрелил пару жирных птиц в лесу, взял в лабазе хмельных напитков попроще на три месяца вперед, сдал телевизор в барахолку. Вдобавок, для развития личности в духе плюрализма, выписал две газеты взаимогрызущих направлений и зажил, как Робинзон Крузо. Первую неделю я незатейливо кирял, украдкой икал, да и в мире ничего из-за этого примечательного не происходило. Хотя, может и происходило, только я не замечал. На второй неделе я несколько сбавил темп, реже заливая в бак, зато пытался ухватить смысл написанного в газете. Оказалось, что перья, которые летели от общипанных несушек, наконец, долетели до депутатов. Взятки уже не сыпались в раскрытые карманы, да и подати жидкие стали.

Один выступающий с высокой трибуны красиво сказал, что мы напоминаем ему позднюю Римскую империю, а монстры — невесть откуда вылезших гуннов и вандалов. Другой запараллелил происходящее на татаро-монгольское иго. Я бы тут добавил даже, что твари, как истинные чингизиды, явно ярлыки на княжение выдают родионам-дуевым — уж больно все в жилу консервным начальничкам.

Раз стали давить в парламенте — тот по закону Бойля-Мариотта передал давление дальше — на людей с кабинетами больше тридцати ка-вэ-метров и портфелями крокодиловой кожи; жернова завертелись. Кого-то мелкого смололи, кого-то покрупнее затормошили, где-то вздернули сексуальный лозунг: “Наш минвнутдел должен стать подлинным органом родной страны”. Наконец, затопало по плацу специальное антимонструозное подразделение. Впрочем “подлинный орган” родил его давно: на тот случай, если монстры полезут в святые места: генеральские квартиры и дачи, красные уголки, расстрельные камеры, архивы секретных протоколов, ядерные реакторы, фермы по выращиванию микробов, которые полезны для наших и вредны для иностранцев. Но только сейчас было решено этот спецназ урезать раза в два и пускать его в ход против гадов где попало.

На третьей неделе я от волнения пил мелкими глотками, но часто, опохмеляясь чтением материалов про грозную команду. Бойцы спецназа охотно позировали, играли мышцами, клинками и стволами, метали ножи на меткость и плевали на дальность. Потом кто-то, сидящий сверху, решил устроить показательное выступление в здании одного дворца культуры на Васильевском острове. Люди оттуда давно сбежали, а монстры постоянно там вертелись. Вообще-то, помимо технопарков, наши гады, как и полагается кочевникам-варварам-гуннам, уважали места, где можно выпить и закусить сладким на халяву. Винно-водочные и кондитерские предприятия, склады с сахаром и конфетами, даже свекольные поля. Причем, если насыщенные наукой лаборатории и производства разорялись, как птичьи гнезда, то в “закусочных” звери вели себя аккуратно. Ранним утром всегда уползали, давая возможность людям, после небольшой приборки, спокойно заняться производством кайфовых вещей, которые, по южному выражению, “тают в рот”. А администрация “закусочных” обжираловку еще больше цивилизовала. Были установлены особые кормушки и такие нормы отпуска в гадские руки, чтоб никто из гостей за столом не посчитал себя лишним. Дворец культуры казался более загадочным случаем. Мне такое объяснение понравилось: ДК оккупировали потому, что там пацаны обучались охоте на тварей с помощью подаренных какой-то фирмой аппаратов. А кроме того, оттуда было приятно устраивать набеги на расположенную поблизости стекляшку биржи “СПб”.

Поехали поквитаться со злодеями три взвода спецназа. Репортеров не забыли захватить. Хвалились, едучи на рать, хотя предки, которые знали толк в мясорубке, завещали это делать лишь едучи срати. Еще на подходе к зданию со стороны Большого проспекта, два БТР ухнули в незапланированные пустоты под дорогой. Их там встретили подземные монстры, которые умелыми разрядами пробили борта машин, а в получившиеся дырки впрыснули гнусную жидкость нервно-паралитического действия, близкую по принципу действия к этиловому спирту. Тут же на врага были пущены землеройные машины с керамической защитой и экипажами в противохимических костюмах. Однако, костюмы не пригодились. В конце недолгого пути машины-землеройки встретили грунт, спекшийся в сплошную твердь, похожую на карборунд — никакие буры не могли ее взять. “Карборундовая” стена была неясного размера, во всяком случае, следовавшие одна за другой лихие атаки неизменно кончались на ней.

Но наверху одной юркой БРДМ удалось проскочить к самому

зданию. Встретили ее достойно. Из окон третьего этажа послышались неприличные оскорбительные звуки, а следом полетели жидкие выделения, которые обмазали машину со всех сторон до днища. Командир обделанной БРДМ из чувства брезгливости дал задний ход, потом передний, но ни туда, ни сюда. Надрывался двигатель, выхлопные газы сочились в кабину, но движения не было. Также не было видимости, слышимости, не фурычила связь. Командир заглушил мотор и бросил рыдающую голову на руль. Он не мог знать, что выделения давно затвердели и заточили уже бесполезную машину, как скорлупа ореха ядрышко.

Впрочем, остальные ребята, крепкие стриженые парни не приуныли. Кровь бурлила и выделяла нужные для борьбы гормоны, когда с вертолетов на крышу ДК были спущены три десантно-штурмовые группы. Первая ушла не дальше кинозала, а другая буфета. Командиры групп успели сообщить, что выходы из помещений враз оказались забиты массой, похожей на густую кашу, поэтому сейчас придется разносить преграду направленными взрывами. По рации еще донеслись слова “давай” и “даю”, а дальше одно молчание. Зато до наблюдателей докатился толчок воздуха. Потом уже стало известно, что “каша” имела нитроглицериновую пропитку, которая, само собой, не забыла сдетонировать.

Зато третья группа под предводительством моего знакомого Федянина отличилась. Майор впервые опробовал мазеры, которые обеспечивали расстройство электрических систем монстров, и поглотители-отражатели разрядов. Вот оно! Дебильная публика из “почтовых ящиков” вдруг выдавила из себя что-то, пригодное для огорчения монстров. Вернее, подняла и оживила разработки, выпавшие из разжавшихся челюстей технопарков. Ладно, насчет дебилов беру обратно, эта кличка больше мне подходит. Все-таки ученые они не только, когда бабу на улице клеют. Корпели, небось, где-нибудь в подпольном бункере (сто метров ниже киношек и кабаков), сотрясаясь и ходя ходуном от страха.

Итак, группа Федянина двигалась грамотно, удерживая под контролем все ходы-выходы. Не смогли твари ее подловить, поэтому добралась она, сметая все живое и дохлое на своем пути, аж до самого первого этажа. Там порадовались сердца гадобойцев — встретился бывший фонтан, ныне обжитый младым племенем: чуть подросшими, до размеров колбасы, но беспечными еще монстрятами. Водоем, кипящий, как суп с лапшой, мигом заминировали, палец уже лежал на кнопке взрывателя, но гадская кодла еще раз напомнила, что держит лапы на наших глубинных пульсах, что в курсе самых светлых мечтаний. Хоть Федянин, он

же Наполеон наших дней, умом ни в чем не уступал монстрам, они прочно посадили его с героями под электрический колпак, только поглотители и выручали. Связь накрылась, начальство было готово и третью группу вычеркнуть из Книги Жизни, то есть списков личного состава. А потом искать компромисс, но в душе навсегда прокакать игру. Впрочем, вычеркивающее перо пришлось отложить в сторону. Уже за периметром оцепления вспучилась и лопнула земля. Оцепляющие встрепенулись и приготовились к быстрому бегу. Однако, из-под земли вылезли два федянинских человека, а вскоре все его бойцы повалили из щели, как горошины из стручка. Последним вступил на поверхность планеты сам майор, который не унывал с момента рождения. Он рассказал с неподдельной улыбочкой между щек, как внутри оборонительного кольца, составленного из его удальцов, вдруг провалилось несколько мраморных плиток и образовалась дыра, сулящая всяческие неприятности. Но из той дыры демонстративно, задом, выбрался противник количеством один и удалился по слюнке-ниточке в сторону потолка, как бы показывая, что путь наружу свободен. Майор Федянин догадался, что с ним пытаются совершить сделку и ударить по рукам. Суть сговора в том, что он сваливает с парнями из дворца по открывшемуся лазу, но в ответном жесте ему подобает выудить взрывчатку из монструозного детсада. Майор не стал упираться рогом, приказал первый “батон” забрать из водоема и парочке разведчиков прогуляться по подаренному тоннелю. Те, обливаясь предсмертным потом, соскользнули в щель, но через десять минут загалдели по рации, что уже пьют чай с бубликами, и не в небесах, а у своих. Сигнал без всяких помех проскочил, хотя до того будто глушилка надрывалась. Майор послал еще трех человек, потом вынул второй “батон” и с оставшимися бойцами сколол из дворца.

Газетчик из лагеря калов, конечно, съязвил, что накануне операции вождь гадов, кажется, вместе с командиром спецназа любил сладкое и алкоголь. И уж, по крайней мере, изучал “искусство побеждать” в наших военных заведениях.

Кстати, подвернувшейся сваезабойкой успели расколоть орех с БРДМ внутри до того, как души бойцов самостоятельно бы полетели на волю. Кто неудачно съездил на БТР и нанюхался нервно-паралитического аэрозоля, тоже жить остался, правда, на первых порах, с белой горячкой. Таким образом, всерьез не повезло только тем, кого накрыло взрывами.

Из этого прыткие консервные журналисты выводили несомненное: “природные гады земли нашей” нрав крутой показали, гордый, но не чужие они нам, не любо им кровь

народную проливать. Мирные люди, конечно, сразу стали смаковать дружественность и незлобивость тварей, подозревая в них родню бабочек и кузнечиков, и внутренне уже были не против, чтоб побыть какое-то сонное время пакетом для яиц.

Лишь один биолог разгуделся, как духовой оркестр, по каловым газетам пробежался и даже в телек влез. Мол, назови животное патриотом и гуманистом, а все равно, кроме инстинктов, от него ничего не дождешься. Тварь она и есть тварь, пусть по-своему и замечательная, и лишь в качестве подопытного объекта может вызывать восхищение. И молнии она мечет не как представитель Перуна-громовика, а будучи живой электрической машиной с подобием жидкостного МГД-генератора внутри. И чутье у нее на наши настроения с состояниями не от общих корней, а потому, что мы сверхдлинные субэлектронные волны, хотим — не хотим, модулируем — получившийся сигнал монстры, как антенны, ловят. И вся недолга.

Я прочитал заметку ученого и стал сам не свой ходить, даже нехорошо от мыслей было. Еще бы, монстры овладели всем тем, что прорастало в головах Файнберга, Веселкина и субэлектронщика. Зверье угробило мудрецов и их знания себе заграбастало. Кочевые ребята из команды Чингисхана тоже перехватывали у оседлых умников достижения, которые могут в драке пригодиться. Я собирался было письмо такому содержательному биологу накатать, уже начал словами: “Глубокоуважаемый Никанор Павлович. Я давно вас ищу. У меня есть что сообщить серьезному человеку с маслом в голове…” И тут очередное разочарование. Не стало Никанора Павловича. Пришли к нему, почувствовав сигнал, подопытные объекты и вызвали вместо восхищения летальный исход. А случилось так, что автомобиль с ученым врезался в грузовик у Пяти Углов. Причем, на теле потом нашли следы приличных, хотя и не убойных укусов. Как хорошо, подумалось мне — в моей голове ничего такого, что может промодулировать эти самые субэлектронные волны.

В начале четвертой недели вынужденного, но полюбившегося простоя дозы стали редкими, как дождь в пустыне, и смехотворно мелкими. Удивительно, что я их еще как-то ощущал. Однако уже во вторник я вынужден был узнать, что потрепанное тварями спецподразделение за свои немеркнущие подвиги перекинуто из внутренних войск в городскую милицию. Теперь это воинство обнимет и примет любого, кому не жалко собственного трупа. До конца недели я вычислял, поступать ли туда, смогу ли я колбасить по-прежнему, как мне нравится. С одной стороны, объявление заманивало крепких ребят с хорошей подготовкой —

а я уж готовее других, настоящее путассу в маринаде. И оружие пока там существенное, что руки развяжет. А с другой стороны, начальство, находящееся в последней стадии умственного развития, лобные доли мне нагрузит, ну, в общем, те места, где шарики крутятся. Еще надо учесть обязательный форменный прикид от “Пьера Болвэна”.

Пока на переднем плане я тщательно выбирал одно из двух, по заднику протекали ручейки сомнительных мыслишек. Они складывались в мороку, ее первую серию мне крутили еще на нарах СИЗО. Туман или бульон, я в нем бреду или плыву. Там и сям перевариваются маленькие человечки вроде моего верного гнома. Пиявки сосут, чмокая и давясь, из этой питательной среды. Они унавоживают своим дерьмом почву, на которой весело растут грибы-поганки. Грибочки вымахивают выше тумана, тянутся навстречу лучам, бегущим от “колпака”, моего старого знакомого. От преданных растений к нему, в ответ на солнечную заботу, поднимается дымок. Вот вам круговорот дерьма в природе, я ж предупреждал! Есть тут и вампиры-колхозники вроде Дуева, те самые черви-сосуны; и гады, мои гады, которых я углядел в неблагородных грибах-поганках; и руководящее звено — верховный колпак. Все при деле, и дело за счет нас, людей, процветает — ведь гном есть лучшая часть гражданина. С нас начинаются эти переваривания, прихлебывания, унавоживания, разрастания, испарения, излучения. А я — немногий, если не единственный путешественник по адскому мирку, ни во что не превращающийся и собой довольный.

Насмотришься такого фуфла и почему-то чувствуешь себя обогащенным. Даже обогащеннее, чем после заслушивания симфонии и блужданий по Эрмитажу.

Перед тем, как броситься в омут необратимого решения, отправился к знакомому егерю в лес. Вернее, омут ни при чем, просто харчи с бухалом оказались у меня на последней стадии истощения. И вот повстречал я в тех местах, где делил трапезу с кабаном, Дуева Родиона Михайловича.

— Кажется, я про вас что-то слышал,— сказал он и впервые пожал руку. Потом обрисовал мое положение. — Хочешь отличиться перед народом, да видно не знаешь как. Народу такие твои старания не нужны. Монстры, люблю я это слово, никак не колышут простых людей: аратов, дехкан, холопов; кручиниться тем нечего. Яйцекладка не считается, как мелкое недоразумение. Гады вполне удовлетворяют простых людей, разоряя замки нынешних дворян и прочих заносчивых граждан. Монстры кого-то скушали? Допустим. Мы столько лет питались животными, вот и они повели себя в том же духе, употребили кого-то из нас, причем

не лучшего. Есть повод для беспокойства только в иудео-христианской системе координат. У многих же самобытных этносов ритуал скармливания самых умных, красивых соплеменников тотемным животным органично входит в культуру.

— Из меня вылезает слеза, лишь только я подумаю о культурных монстрах, у которых болит живот за простых людей, — слегка оскаливаясь, парировал я.

— Ладно, перейдем к тебе. Понимаешь ли с кем связался?

— Расскажите, Родион Михайлович,— сказал я, напуская побольше глупости на рельефы лица, что, впрочем, было не слишком сложно.

— Расскажу, когда твой черед придет,— многообещающе выразился Дуев.

— Давай на одну ступеньку вниз спустимся. Например, отчего недоступны сведения о монстрах?

— Перепасую к вам, Родион Михайлович. Не надоело придерживать информацию, прикарманивать всю соответствующую дохлятину вплоть до дерьма? Наверняка у вас и живой материал имеется. Вон умник Никанор о кое-чем простым напряжением катушек догадался, и тут же его не стало.

— Никанор не догадался, он знал. Тут две большие разницы, как говорят южане. Имел он кое-куда вход. А раскручивать и орать на разных уголках стал самостоятельно, потому что славы захотел. Ну и получил, только не прижизненную. Никакие спецслужбы его не убирали. Они даже не возражали бы против утечки, чтоб посмотреть, как это уладится. Вот и посмотрели. За что боролся Никанор, на то и напоролся. Утечка не понравилась нашим маленьким друзьям, они привыкли работать без лишнего шума, вернисаж не для них, в рекламе не нуждаются.

— По-моему и вы уважаете беззвучность, даже во время такого нашествия.

— У нас был свой резон. В биологии нынче беспредел. Если бы население доперло, с какой прытью мощнеют монстры, стало бы помаленьку безумничать. В итоге толпы придурков носились бы по улицам, кусали друг друга за задницу и гадили в неположенных местах. А пока что есть у нас равновесие, может даже гармония, в которой двуногим пришлось лишь немного потесниться. Твари вроде повсюду, но при этом они остаются на периферии, не лезут, так сказать, в первый ряд.

Мы перебрались с веранды охотничьего домика в гостиную, и Родион Михайлович сунул в щель видика кассету, которую простой чувак видеть не должен, чтоб не обезуметь. Ну, а мне почему-то было пора, черед настал.

Кассета крутилась три часа, а Дуев многозначительно отмалчивался, вдумчиво попыхивая “Кланом” и запивая его мягким ирландским пивом.

Что в фильме показывали и доказывали, в основном, отскакивало от меня, как от стенки. Особенно все попахивающее наукой биохимией. Зато как не понять: в ролях те же опостылевшие монстры. Было очень приятно узнать, что происходят они от вполне безобидных тварюшек по имени Онихофора, и в родне у них как насекомые, так и скромные кольчатые черви. Развились они каким-то макаром так, что по сложности самым серьезным млекопитающим не уступают. Однако, шли своим путем, поэтому оригинальны и не похожи на “теплых-влажных” ни наружностью, ни содержанием. Вот у нашего брата, любителя молока, скелет внутренний, у них же внешний, ступенчатый, с подобиями шпангоутов и перетяжками. Вообще, в интересных гадах многое от машин: эти животные “косят” под железные изделия, также, как и наши металлисты.

Внутри кожно-мышечного мешка продольные и поперечные перегородки с клапанами, по отсекам перегоняется полостная жидкость — не ради удовольствия, а чтоб получился еще один скелет, на сей раз — гидравлический. Благодаря ему чудовище прыгает, бегает, ползает, как олимпиец, еще мечет хобот и клейкие слюни. Такая полезная жидкость вдобавок является кровью-гемолимфой. Больше того, железистые соединения в ней не только разносят кислород, но и создают магнитные свойства. Когда она прокачивается мимо заряженных пластин, тех самых шпангоутов и перетяжек, то по принципу МГД-генератора выдает мощные электрические импульсы.

В теле у любого гада ветвится много всяких электропроводок, есть даже подобия диодов, конденсаторов и аккумуляторов. Грызет он всякие приборы не только из вредности, но чтобы заиметь в организме побольше металлов хороших и разных. Всерьез переваривать внутри себя еду считает делом недостойным и невыгодным, поэтому любит сахар и алкоголь, а также варенье, как быстрорасщепляющиеся высококалорийные продукты. Само собой, раз губа не дура, вряд ли откажется он от кровушки. Когда такой нежной провизии не хватает, впрыскивает пищеварительный сок в любого, кто покажется вкусным, еще и помогает ему превратиться в блюдо электрическими импульсами.

Герой нашего времени сложен прекрасно, как полимер, в каждом отсеке тела у него есть нервные узлы вроде наших мозгов, клоака, дыхало, клевало, сосало, жевало, е…, так сказать, копулятивные органы. В общем, смертельное ранение нанести ему трудно, все взаимозаменяемо. Даже на бескислородье он

разлагает электротоком разные окислы, добывая необходимое для дыхания. Зоркость придают ему глаза, раскинувшиеся в разных частях тела, так что если задом посмотрит, все о'кей. Слух — в порядке, он сплошное ухо, кругом волоски с мембранами. Собственная разрядная система предлагает нашему герою разнообразные услуги. В низковольтном режиме она годится, в сочетании с электрорецепторами, для локации, то есть, засечения любых вещей в любую погоду и темноту. В высоковольтном — для превращения безвкусного наглеца-беглеца в смирного вкусного покойника. “Полюса” имеются на теле, хоботке, еще и на вылетающем в подходящий момент электронном пучке. Особенно героя украшает способность видеть насквозь. Пустит он на того, кто ему приглянется, несколько магнитных импульсов, и тот в ответном порыве начнет излучать всеми ядрами своего водорода, который, как известно, в организме везде. Но когда пошла толковища про магнитные ловушки в защечных мешках твари, что какие-то еще фокусы нам готовят, Дуев вырубил “ящик”.

— Остальное — задание на дом,— хреново улыбаясь, сказал он.

Уж лучше время спустить на забойный боевичок, где деликатный здоровяк гасит наглых уродов, чем пялиться на всякую научную муру. В конце-то концов, я не анатом, а охотник. Меня одно интересует, на какие неприятности я еще нарвусь. А вот про это дело Дуев как раз узнать не дал, я прямо чуть с говном его не съел (в мыслях, конечно). По злобе поперся в пятницу, которую заранее назвал черной, в спецназ записываться. Тем более, что все равно надо было куда-то подаваться, я по полкам уже щеткой прошелся в поисках харчишек, да и бузы последняя капля в рот упала.

Вначале на мою небритую, хамскую в чем-то морду посмотрели косо, я бы даже сказал, криво. Чуть не послали в баню. Но я затрубил, и на шум явился майор Федянин, составил протекцию, спроецировал на меня положительные черты. Уважительно назвал меня плевком, на котором все поскальзываются, и талантом, только неизвестно в какой области. Еще похвалил, что я очень глубоко проникаю во внутренний мир животного, наверное, оттого, что недалеко от него ушел. Я на волне успеха даже медкомиссию проскочил. Анализы мочи и кала отобрал у одного мальчика во дворе детской поликлиники. В общем, записали меня, только отправили от глистов полечиться (за них мальчику спасибо). Приступил я к учебе, от которой фигово в бою. Маялся от нее больше, чем в конце недельного заплыва в портвейне. Вот что, например, сочинили к моему приходу: “При обнаружении дымка (взвеси) зеленоватого оттенка,

а также запаха средней интенсивности, напоминающего аромат нестираных носков, немедленно сообщить на частоте 88 МГц непосредственному начальству. Загерметизировать помещение с помощью штатных и подручных средств (тряпки, части одежды, экскременты и т.д. согл. доп. списку). Повесить над входом (входами) предупреждающий знак (см. описание)". Ну и в том же духе на трех сотнях страниц убористого текста. А еще выходить на бой можно только в составе группы, чтоб были вместе командир, радист, правый сигнальщик, левый сигнальщик, химик, электрик, забойщик. Последний товарищ — это тот, кто должен "производить забой животного". Только политрука не хватает. Я в первую же прогулку с такой кодлой догадался, что все твари в округе наслаждаются нашим видом. Понемногу спущенная сверху дурь утряслась. Например, сигнальщик стал совмещаться с химиком, а положенные по инструкции вещи происходить только на бумаге, в отчете о проделанной работе. Если в группе оказываются один-два гомо кретинус или стукача-недоброжелателя, то лучше просто шляться по помойкам, пускать пузыри, играть консервной банкой в футбол и дохлой крысой в баскетбол, вести разговоры о страшном. А вот как подберутся осмысленно глядящие ребята, можно начинать. Забойщик отправляется пытать удачу, а остальные его подстраховывают: пьют пиво, изучают прессу, беседуют по рации с начальством. Удача, кстати, совсем рядышком прогуливается, когда у тебя гранатомет последней конструкции. А на главном экране шлема светится координатная сетка с размеченными целями и направлением прицела. Приятно, что в меню имеется острая приправа: изящный пистолет-пулемет, спокойно укладывающийся в карман. Плюс щит, поглощающий слабые и рассеивающий сильные электромагнитные импульсы. Еще висит фонарик на груди, который вовсе не фонарик, а мощный мазер. От него страдают электрические системы оппонента, и делается он немного несграбный, подслеповатый и не такой вредный, как обычно. Даже хочется приручить его для совместных выступлений в цирке. Вдруг удастся товарища монстра убедить, что массовым производством гадостей он убивает в себе личность.

За месяц работы наш спецназ стал чуть более любопытным соперником для "чудес природы", как кликали гадов пышные консервные дамочки. Однако отличились мы, в основном, на уровне мелкого вредительства. Где кладку яиц выудим, где молодняк накроем, если вовремя гражданин обеспокоится помутнением мозгов и потихоньку звякнет нам. Впрочем, недолго нам оставалось подличать — покуда матка не отвыкнет "метать икру" на стороне. А вот "лежбища" и "охотничьи угодья" у гадов

скромнее не стали. На этом фронте борьба велась вничью. Только мы выбьем гарнизон из какого-нибудь старинного их удела, сразу отряд монстров перебирается в место, где раньше они считались сказками и инсинуациями. Похоже было, что гады даже раздували сферу приложения своего коллективного разума. Принялись калечить предприятия и институты, которых раньше в упор не видели. Наверное, проводили профилактические работы там, где чудилась им опасность. Перестраховывались, что ли — во многих стенах мысль еще не ночевала. Впрочем, гадам можно доверять, они же обоняют эти самые предательские субэлектронные волны. А Федянин считал, что противник просто задирается, показывая, что он плюет, чихает и мочится на все наши усилия.

А наши усилия, что касается “спорных территорий”, были примерно таковы. Есть, допустим, у нас на примете здание, где раскидываются курени нынешних гуннов, значит, выставляем там пост. Сидим в фургоне неподалеку, прислушиваемся. Контрольные наши системы уже потоньше стали — научились, наконец, очищать сигналы от всякого дерьма, в смысле, от помех, напускаемых монстрами. И датчики-передатчики теперь не так-то просто засечь, потому что меняют они по спецкоду несущую частоту. Только монструшки как следует засветятся где-нибудь, забойщик с помощью пожарной лестницы вламывается в самое дикое место, то есть в окно нужного этажа и начинает зарабатывать очки.

В тот сентябрьский вечерок с киношными эффектами умирало лето. За забором наяривал казачий хор: “Черный ворон, что ты вьешься…”. Мы укрывались в фургоне на заболоченной территории третьего петербургского университета, что сбоку от Казанского собора, исполняли тему “козла”, в полтона постукивая по столу костяшками. Нас было трое: правый сигнальщик-электрик-командир, левый сигнальщик-химик-радист и простой забойщик, то есть я. Еще и пожарная машина с лестницей. Студентами здесь давно не пахло, они съехали в загородный кампус, вовремя унесли задницы. Вместо юнцов несколько лабораторий, складов, вычислительный центр и гады, нуждающиеся в радости человеческого общения. Мы им должны помочь. Вчера робот лазал в кое-какие щели и установил там подслушивающую-поднюхивающую аппаратуру. Теперь знаем, когда новоявленные самураи переходят границу.

В час ночи “забибикал” третий этаж главного корпуса. Затарахтела пожарная машина, я на лестнице въехал, как ангел, прямо в окно, и мазер-глушак не забыл включить, для начала все вроде грамотно. Сразу за подоконником в коридоре приятная

встреча — адская семейка, матка и ее три мужа с зажатыми в ручках сперматофорами. Их попытки сделать мне больно были неудачны. Я перешпокал всех, как персонажей своего почившего охотничьего аппарата. Считайте, что за него тоже мстил. Конечно, я им испортил приятное времяпровождение, но сексом пробавляться здесь было так же неуместно, как и на партсобрании. Чуть правее от того лобного места, где случилась экзекуция (не люблю, честно говоря, побеждать), на план-карте центр компьютерной обработки. У кого-то компьютеры, а у меня на пеленг-экране там жирная клякса расположилась. Я красиво, как в фильме про бесчинства карателей, выбил дверь, ворвался — кому здесь выписать? Но вокруг ни тела, про душу уж я молчу. Впрочем, пыхтят несколько блоков вычислительной машины “Джониван”, они же фонят и пачкают мне картинку. Я зачем-то распечатку с принтера снял, которая сразу не понравилась. Какой-то безымянный соратник Никанора дня три назад запустил задачу и исчез, наверное, отправился по его стопам. Машина рассчитывала траектории мутационных изменений по методике Файнберга.

На дисплее по моей просьбе показался забавный пузатый монстрик-гид и вдруг начал рассказывать о домашнем задании Родиона Михайловича. Про те самые магнитные ловушки в защечных мешках. Мол, мешки скоро пойдут на повышение, станут преобразователями и накопителями энергии субэлектронных волн. Я просил поподробнее про такие волны. Монстрик откликнулся проповедью, дескать, каждый живой и не совсем живой предмет — это стяжка (он сказал хуже — концентратор) замкнутых волн. Разомкни, так сказать, круг, и концентратор “потечет”, передаст свое напряжение другим точкам интенсивности. Я тут врубился и поинтересовался у лектора, не его ли приятели-гады “утечку” устраивают. Он слегка возмутился, заявил, что Гады (с большой буквы) такими вещами не занимаются, это-де “работа для клерков”. Я так понял, что он имел в виду двуногих сосальщиков, родионов-дуевых. Монстры, продолжил гид-гад с улыбочкой, давно научились подключаться к уже раскрывшимся системам, чтобы выведать чего-нибудь новенькое. Ага, про антенны еще Никанор заикнулся. Ну, и под конец бутафорный монстрик сделал шажок вперед, подкинул стоящие сведения. Скоро-де защечные ловушки гадов, согласно рассчитанной траектории эволюции, примутся превращать длину субэлектронной волны в частоту — хоть чушь, но за неимением лучшего приходится всему верить. Согласно пророчеству, любители остреньких ощущений вскоре смогут ознакомиться с бедовым явлением, которое назовется бегущий огонь, или по-

привычному, шаровая молния животного происхождения.

Очень хотелось бы побеседовать с автором программы, если он жив или хотя бы здоров, а пока расстроенная рука в кольчужной перчатке отключила надменно витийствующего монстра и потянулась к холодильнику. Правильно делает, что не отстает, вкалывает наряду с “Джониваном”, лелея в себе заначенное истинным доброжелателем пивко. Раздавим банку, война и это спишет. Откупорил, задрал забрало, потянулся, а контрольная система вдруг долбанула мне по маковке: “Показания датчиков: внимание, всплеск активности на участках 5-02, 5-03”, и давай на экране размазывать кляксы, символизирующие электрическую опасность. Летят кляксы, как черти, сквозь стены и перекрытия. По старой привычке качнулся во мне лазутчик-гном, но только ткнулся в пространство над головой, как стало ему так больно и светло, что он, скуля, забился в угол. Я прикрылся щитом, погрозил пушкой потолку, из которого вынырнет хана.

Эх, тикать надо было, а не пополнять багаж знаний. И вот, в унисон с криком измерителя: “Взрывное изменение поля…” вспышка над башкой. Светофильтры успели отозваться, но я слегка замандражировал — никто там случайно ядерную бомбу не швырнул ли? Мой верный товарищ гном раньше меня врубился, узнав новинку сезона — “бегущий огонь”. И как серфингист, оседлав волну, должно быть, ту самую сверхдлинную, проскочил сквозь боль, ослепление и ворвался в темный погреб гадского сознания. Увидел оттуда меня ненавидящим взглядом монстра, с вывороченными наизнанку всеми клеточками — пеной на воде. Навстречу ей шуровала свора разъяренных горящих точек. Прежде чем вражеский погреб выкинул его вон, гном заставил гада сделать втяжку, прокачать волну сжатия назад.

Шаровая молния прилипает к потолку, но тут же другие злые огоньки делают заходы на меня. Я тикаю, участвую в настольном беге и скачках через стулья, направления эвакуации особенно не выбираю, оказываюсь в узком помещении типа кишка, какой-то замусоренной подсобке. Прессинг продолжается, кишка начинает светиться и исчезать в классическом синем пламени, причем с двух сторон. Ну, думаю, нет причин для грусти, просто жизнь не удалась, в следующий раз все наладится, а сейчас я с разбега сигаю в этот свет и дальше по этапу в райскую зону. Красиво скопытиться не запретишь! Но вижу, надо повременить, потому что на глаза попадается скрепленный замком стальной люк мусоропровода. Всаживаю гранату в него, едва резанули осколки по щиту, бросаюсь на выход из надоевшей ситуации вниз головой.

Только успеваю крюком тросового механизма уцепиться за края получившейся дыры.

Мусора на дне было столько, чтоб погрузиться по талию. Идеальное гнездо птеродактиля, где вы, учитель зоологии и дети с экскурсией? То, что отбросы сухие, несколько меня смутило, а потом обстановка прояснилась — трусливые люди давно зацементировали мусорную камеру снаружи. Стрелять в стенку не стоит, меня разнесет в первую очередь. А наверху вот-вот друзья примутся мутить своими пятками огненную воду. Я стал рыть, я рыл дерьмо носом, добираясь до решетки, через которую стекает жидкая дрянь. Вот, наконец, я одолеваю мусор; железяка в моих руках-клешнях, выдергиваю секцию. Вверху становится чересчур солнечно, поскорее отбросив гордость и тому подобное фуфло, соскальзываю вниз, как рыбка в ведро рыбака.

Там проходило отнюдь не высохшее, а вполне полноводное русло канализации, я начал купаться в ливневых, фекальных стоках и прочих отходах от доходов. Где обязаны барахтаться и ловить полный кайф всякие Пентастоматида, Тардиграда, Леписматида и прочие гады с красивыми женскими именами, пресмыкаюсь и членистоножествую теперь я, вернее, бреду на сильно согнутых. Снизу хлюпает, сверху капает. Настроение такое, будто действительно в чем-то виноват. Вроде был подготовлен, хоть песню пой: “Если завтра война…”, а получилось как всегда.

Делать нечего, полевые измерители предупредят в самый последний момент, что меня вот-вот должны поджарить и схавать, а пока можно побалдеть в полной прострации. Психика ведь, если ей не мешать, сама себя защитит. Я уже посторонним, не очень заинтересованным слушателем внимал чьим-то тяжко чавкающим ногам, что однажды и вовсе застряли в гуще отстойника. А когда стало совсем скучно, я провалился в уже знакомый пищеварительный туман, который на этот раз даже разнообразил впечатления. Тем более, не стал я задерживаться подле таких малоприятных товарищей, как пиявки да поганки, итти их налево. Как стайка пузырьков, поднимался верх с той разноцветной трухой, что сочилась в небо из грибочков. Напряжения гуляли во всех направлениях, но я их осмысленно не использовал, потому что не чувствовал собственного тела, только понимал: посмотрись сейчас в зеркало — ахнешь. Стал вслушиваться для затравки в свое дыхание, как писатель Тургенев в песни пьяных мужиков. И вот уже разобрался, движется моя жизнь, кружит бурунами и водоворотами меж полюсов. Вместе с ее потоком окунулся в первый сгусток, он же вихрь, он же шар возможностей, закрученный полюсами строгости и милости. Как

ни забавно, но это руки. Те, что хватают, и те, что отталкивают; которые несут и которые бросают; руки, передергивающие блатные аккорды и выколачивающие Шопена из пианино; жмущие гашетку пулемета и высекающие девушку с веслом; хватающие даму за мясное и выводящие на розовой бумажке про испытывание тонкого чувства. А потом я ухватился за комок ног: идущих перед, вбок, вдаль, вблизь, интеллигентно плетущихся и по-солдатски бодро марширующих.

Наконец, оценил я колыхания и трепетания среды; те, что несут образы неподвижного и образы бегущего; подобия целого и подобия частного; пульсы внешней жизни вещей и пульсы внутренней. Вот теперь я такой, что мне можно позавидовать — пучок неиспользованных способностей, причем известно каких.

Находясь в обществе пестрой искрящейся трухи, выпущенной грибами, я пробовал ее на вкус. Я набрался то ли мыслей, то ли образов, которые значили для меня вначале не больше, чем агентурные шифровки Центру. Но я их разоблачил.

Вся эта символика стала как голенькая. Можно, конечно, рассуждать о стяжках субэлектронных волн и строить уравнения вихревых полей, но таким заходам я не обучен. Мне лучше по рабоче-крестьянски.

Вампиры-колхозники вымачивают приличных людей в пищеварительном соке, чтобы те отдавали наступательную свою энергию. Кто не хочет отдавать, тому клином по башке. Тут уж второй эшелон паразитов подключается. Гадов, собственно, не энергия интересует, своей хватает, а ценные сведения. Из компота и компоста, оставшихся после бурной деятельности пиявок, грибы делают выжимки и передают своему начальству. Такой дорожкой прошли достижения Файнберга, Веселкина и прочих разумников, да попали к тому, кто с их помощью готовит траектории самых поганых изменений. Есть там один зловредный программист, который эволюционные расчеты выдает не в виде значков и буковок. Получаются у него матрицы, что штампуют все более жуткие, на сторонний взгляд, фигуры мутантов. Так он самовыражается, а может, подыскивает наиболее подходящую для себя внешность.

А вот и “программист” собственной персоной: колпак, яркий, как кабак в летнюю ночь. Сейчас центр, начальник тварей и стержень событий, много симпатичнее, чем при первом свидании, он как компания басовито жужжащих пятен, стерегущих вход в “черный ящик”, то есть таинственное брюхо.

Проваливаюсь туда вместе с трухой. И наступает, само собой, тьма. Поди догадайся, что это такое — начало вечности, конец заботам или участие в чьем-то пищеварении. Немного похоже на

межпланетный перелет с помощью ракеты революционера Кибальчича. Я столько раз в детстве-юношестве представлял, что любитель народа удирает на своей штуке из-под царского ареста и начинает вверчиваться в тьму, не понимая, куда он летит, каким способом и зачем. А вот сейчас реализую его смелый план. Протекло тысячу лет, а может, и десять секунд проскочило, когда я почуял источник притяжения и разглядел Матрицы, похожие на сгущенное северное сияние. Каков мой будет положительный ответ? Разумеется, в конце пути я поспешу к ним, будем сиять вместе.

Однако, мое сознательное участие в игре света и тени закончилось очень быстро. Мысли стали бегать на пространстве не больше носового платка, а потом вовсе сжались в точку. Правда, был и такой момент, когда я брызнул из этой точки всеми своими способностями. Хлынула огненная вода из рук, ног, глаз, ушей, головы, сердца, хребта, всего тела. Только не забыть бы, что хотел. Я становлюсь лучом, который взращивает поганочных монстров — мелькнуло напоследок, перед тем, как сгорел я дотла и исчез.

Исчез я, слава богу, не окончательно. Спящий красавец очухался отнюдь не в хрустальном гробу, а возле параши. То есть, куда бы не летал мой маленький гном, физтелом я прочно обосновался в камере отстойника. Оставалось загадкой, сколько проторчал здесь на маленьком сухом выступе стены — таймер-то давно накрылся. А потом послышался писк, немного смахивающий на тот, что у котят. Экраны приборов отказывались показывать кино, но окостеневшим пальцем я все-таки поймал спусковой крючок гранатомета. Гадать долго не пришлось. Показался сам он — малолетка, по мягким светлым покровам заметно, что недавно вылупился. При всех отталкивающих чертах было в нем что-то неуловимо-симпатичное. А может, и вполне уловимое. Никаких свисающих соплей, брызжущих слюней. Тонкие жесткие крылышки цвета дымчатого стекла, тельце — как несколько выложенных в ряд коньячных бутылок, четкая маковка или, прямо скажем, голова, похожая на шлем мотоциклиста. Правда, время от времени нижняя губа раскладывалась в длину, хватала что-нибудь, мяла-жевала, но вскоре отпускала. Мы с малолеткой настороженно, однако, без предубежденности пялились друг на друга, животное и человек. Рожденный ползать и рожденный летать, или наоборот. Его внимательная нижняя губа прикоснулась к моему башмаку и как бы через него послушала меня. Несмотря на то, что палец я держал, где положено, тревога так и не ощутилась. Хотя не исключено было, что мой некогда внимательный организм стал бесчувственной

колодой. А потом “слушания” закончились, и мы разошлись. Детеныш прыгнул мимо меня и затерялся в сумерках этой огромной уборной. Экраны измерителей, локаторов и тепловизоров так и не откликнулись на нового знакомого, он не отражал, не излучал. И я снова задремал, может быть, от радости, что не зря взорвался там, наверху, малыш-то все-таки похож на меня!

По скручивающейся спирали вдоль длиннющего тела к голове вязко тянется волна. Я в канализационной трубе, пейзаж знаком до боли. Но нынче изощренный взгляд мой подобен спиральке и даже пульсирующей воронке. Она забирается за один угол, другой, третий. Все, что должно встретиться, вертясь выплывает из ее глубины и, поровнявшись со мной, начинает разлетаться, как ракеты. Осуществилась, наконец, вековая мечта ночного прохожего: знать, что тебя ожидает за следующим поворотом, и что осталось отдыхать за предыдущим. Вот показался маленький, но вредный, который хочет выдуть солнышко; до него сто витков, не меньше. Пора, я делаю резкий вдох, жидкая сила несется от головы к хвосту, в такт с потоком воронка сокращается, и тот, кто мне пока не по душе, притягивается к моему носу в виде пузырька. Волна, тяжелея, катится ко рту, легкое сдавливание, и злыдень лопается, брызгая, как ягодка. Визг тоже разлетается, не успев расцвести. И вот я продолжаю делать “прыг-прыг”, очень легко скачется, словно меня подхватывают вихрики, щекотно носящиеся по животу.

Натыкаюсь на совершенно безобидный притопленный и вполне законный труп незнакомца, разинувшего навсегда ножи челюстей. Будем считать, что он сам себя убил, осознав, что так дальше жить нельзя.

И вот старая добрая мусорная камера, начало и конец начал. Видны следы пыток, тут не только веревочка моя стала атомарной, вместо параши лишь тень на оплавленной стене. Как выбираться пока не понятно, но впечатление обуревает, что многое могу, словно член победившей партии. Поймал такт трепыханий воронки. Выдох, тяжелая кровь отжимается по правилу винта от кожицы к середке, становится горячей, плывущие стены подаются вслед за ней и прилипают к пальцам. На вдохе жидкость продавливается от середки к животу и легчает, стена старается удалиться. Вот люк первого этажа. Волна бросается в голову, мыслительное орудие, помощнев, проламывает люк, как печенье. Я, не вполне уверенный в своих умственных способностях после такой процедуры, выбираюсь в коридорчик кишечного вида. Извивающийся взгляд приносит радостное известие, что за дверью большая полость, где можно

спокойно гулять, никого не ловя на зуб. Так и есть, там спортзал, нынче похожий на мятую грушу. Но покой хочет только сниться, хобот взгляда ловит очередные происки. Интриган засел между перекрытий, такой забавный в своей активности. Он тихонько, вдумчиво готовит мне горячее блюдо, старательно катает его между щек, можно сказать, заботу проявляет. Вхожу в такт с тем витком воронки, где мой новый дружок, вдох — и вот поваренок уже сам съедобен, висит на расстоянии вытянутой губы. Одно смыкание отяжелевших челюстей, и он становится похожим на раздавленную сливу. Перед тем, как превратиться в такую неаппетитную жижу — я, признаюсь, с мерой воздействия переборщил — дружочек успел алаверды послать в мою физиономию порцию развaристой, пышущей жаром каши. Со следующим выдохом метнувшаяся к носу волна отдает свою тяжесть, которая расходится темным нимбом и шпокает огненные зернышки, как толстая газета мух. Все, танцев больше не будет.

И дреме конец. Приятно было поработать чудовищем. Я потягиваюсь, деятельно участвуя в газообмене с окружающей вонью. Пора домой, потому что терять мне уже нечего и при любом раскладе я выигрываю. Через час был уже в спортзале, сон в руку и все путево. Тот малолетка, что родом из отстойника, размазывал всех встречных и поперечных. Детсадовец с силищей чемпиона по штанге. Малыш, плескающийся в гравитационных волнах. Знаток моей двоечной курсовой работы. Даже в мусоропроводе, где он карабкался, остались вмятины-продавлины от его лапок. Так что даже с моими куцыми познаниями в области скалолазания — пару раз перед девочками выпендривался — можно было по этим следам пройти. И вот бухнул гранатомет, визгнули гасители отдачи, что впервые показалось приятной музыкой. В дыру развороченного оконного щита проникло милое слюнявое утро.

Восхищенные зрители не встретили рукоплесканиями, очевидно, спектаклю с моим участием недоставало хорошей рекламы, эстетики, патетики, вечных ценностей, смысла жизни и всякого такого духовного жира. Правые и левые сигнальщики давно смылись. Наверное, из-за моего молчка решили, что от меня осталось не больше, чем пара подметок. Подогревающий заряд аккумулятора выдохся, было студено, как в заднице у эскимоса. Я приник к красивому решетчатому забору, разделяющему улицу и университетский двор. По Невскому шуровала незаинтересованная во мне пешая и автомобилизированная публика, сквозь туман и оконные стекла сочились мелким теплом лампадки Казанского собора. Какие-то яркие представители детско-юношеского кретинизма присвоили

мне имя — Источник Постоянной Вони силой в сто Унитазов, а совсем маленькие назвали “Дед Говняй и какашки”. К противоположной стороне улицы причалил шикарный белый автомобиль, как его еще иногда кличут, лимузин. Из него элегантно вышли двое красивых по-своему людей. Нина, которую подбросили сюда для отдачи последнего долга, и владелец машины со следами начальственной жизни на лице. Слышны были его страстные речи насчет того, что надо поскорее порвать с таким-сяким прошлым, стереть его родимое пятно и слишком тут не задерживаться. Одной окольцованной рукой при этом он поддерживал дамочку чуть ниже талии, наверное, чтоб в штопор не свалилась; другой, оперстневанной, подкручивал сладкую музычку на приемнике. “Она его за бабки полюбила, а он ее за…”, — как выразился бы классик.

— Значит, сделаешь все-таки социалистический выбор в пользу товарища? — уточнил я у Нины, выстукивая заодно зубами тему Щелкунчика из одноименной оперы Чайковского.

— Ну ты, житель уборной,— автомобилист ударил о капот машины журналом “За рублем”.

— Совсем не остроумно,— пришлось мне, за неимением других аргументов, просунуть сквозь прутья решетки свой гранатомет, кстати, с пустым рожком. — Скажи-ка, дядя, что тебе дороже, машина или Нина?

Проблема выбора не встала перед лимузинщиком, и, заурчав мощным движком, он гордо скрылся с места встречи, напевая арию из оперы: “…И закаленному судьбой бойцу с огромною елдой…”

— Я твоя Сьерра, а ты мой Леоне,— мигом переметнулась дама, скрыв смущение под густым слоем румян. Нравится мне, что она такая неприхотливая и понимает, что лица приходят и уходят, а какой-нибудь мужчина остается.

— Ты мои Права, а я твой Человека,— поддержал “перебежчицу”, но предупредил, в гуманитарных целях, чтоб ближе, чем на десять шагов, она ко мне не приближалась.

— Это был деятель искусства,— тем не менее подначила Нина.

— А я деятель физиологии, анатомии, плюс знатный фекаловед. По-моему, гордо звучит. Кстати, чуть не забыл, я теперь производитель монстров.

Пока она вызывала по телефону “похоронную команду” из моего спецподразделения, я набросал очередной рекламный ролик. Про то, как Буденный занял с боями Ясную Поляну, нашел в куче жмыха Льва Николаевича Толстого, да и женил его на Катюше Масловой. Для чего? А для того, чтобы жизнь была ближе

к искусству. Ну и дальше агитация за приобретение портативного аппарата фирмы “Зеленые братья”. За считанные секунды вашего знакомства он сделает у потенциальной невесты анализы на сифилис, гонорею, трихомоноз, СПИД, что позволит вам жениться сколько угодно раз в любом экологически чистом месте.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

1

Животные приходили на водопой, вернее, винцом побаловаться, нерегулярно, но часто. Когда-то из-за этой страсти на винно-водочном предприятии “Красный змий” производство замирало и на неделю, и на две. Ведь ставили посетители на попа все, что ставилось, и дырявили все пробиваемое, добираясь до сладкого крепленого винца. Теперь уже начальство умнее стало и предпочитало иметь полную цистерну приоритетного напитка на случай приема гостей. При появлении первой же заинтересованной морды кто-нибудь из впередсмотрящих рабочих поворачивал кран на полную и пускал живительную жидкость в систему поилок и корыт. Вот и сегодня опытный Лексеич, заметив высунувшегося из трещины в асфальте “передовика”, сказал: “Нехай, гондоны, подавятся и лопнут”, после чего излил запланированную струю портвейна. Рабочий, посещавший когда-то библиотеку, называл цистерну “Пенелопой”, а хамское нашествие — визитом “женихов”. Обычно “женихи”, насосавшись, нахлебавшись, напускавшись соплей и наплескавшись, ложились отдыхать в живописных позах где попало. С мордоворотов у них шел пар, рты пускали пузыри довольства, сшибаемые легкими разрядами, а тела блаженно сокращались и вытягивались. Потом, один за другим, они зарывались в землю, проводили остаток кайфа чуть пониже, и пар уже валил из трещин и расселин. Когда их присутствие заканчивалось, было такое ощущение у Лексеича, что любимая жидкость пролилась в бесплодную почву.

Однако то, что случилось на сей раз, Лексеич позднее смог описать лишь отрывочно, в общих чертах, путаясь в словах и заменяя их чаще необходимого на инвективные (как еще говорят, матерные) эквиваленты.

Некоторые “гондоны”, особенно те, что не добрались до бадьи, вдруг возбудились и покрылись сеткой разрядов, а их панцирные кольца стали съезжаться. Плохой признак, догадался рабочий, сейчас кто-то кого-то будет мочить. Побежали, поскакали и полетели мурашки вдоль Лексеича, он порыскал руками в поисках какого-нибудь оружия, а ногами попытался сбросить пудовые чоботы, непригодные для бегства. Руки не нашарили ничего лучшего, чем штопор, а чоботы наотрез отказались прощаться с ногами. Усилия были напрасны, однако

для рабочего все обошлось.

Из-за крыш ближайших корпусов вдруг посыпались черти совсем другого сорта. Лексеичу показалось, что они с пропеллерами, потом уж сообразил, до чего быстро бились у них крылышки. От летунов в сторону алканавтов по воздуху будто черные трещины побежали. Как уткнется такая стрелка в ползучего гада, мигом от того остается одна дресня. “Валтузят “женихов”,— потер руки радостный Лексеич. Многие члены проигрывающей команды успели пустить свои шаровые молнии, но те брызнули огненными соплями, разбившись о какие-то затемнения, окружившие летунов. “Стрекозки”, как ласково назвал авиахищников Лексеич, смылись так же быстро, как и возникли. От всей же пирующей братии осталась только грязь, которую иначе, как бульдозером, не сгребешь. “Халява кончилась, и Вас спущу я нынче в унитаз”,— выступил в жанре эпитафии вполне счастливый рабочий и подставил свою фамильную кружку под милую струю.

2

Гражданин Воропаев, бомж, с неделю совсем не питал свое тело, которое, лежа на мокром темном чердаке, уже немного разложилось и слегка заплесневело. Последнее время Воропаев старался не шевелиться, чтобы не упустить из себя ни капельки силы, но вдруг, как наяву, увидел, что последние отмеренные ему песчинки жизни падают в дыру времени. Итак, орел или решка? Он подбросил монету своей судьбы и нырнул в водоворот событий, может быть, в последний раз. Почти на брюхе Воропаев сполз в подъезд, немного полежал там, изображая пьяного, потом выбрался через черный ход прямо во двор. Решил вначале навестить помойку, авось там найдется что-нибудь вкусненькое — таковым у него считалось все съедобное и не совсем тошнотворное на вид. Толкнулся он три раза локтями и заколдобился. Из окошка подвала, едва поднявшегося над асфальтом, дружелюбно глядело на него мурло зверя. “Ну, жри меня, откуси кусочек, а потом слопай без останков”,— решил сыграть ва-банк Воропаев. Злыдень будто бы не обращал внимания на странные предложения. И тогда бомж, у которого нервишки пошаливали с самого рождения под забором, бросился в атаку. Вернее, дотянулся до мурла и тюкнул его консервной банкой. Было сделано все необходимое для самоубийства. Однако, монстр стрекотнул и, срыгнув какую-то белую массу, скрылся в подвальном помещении. От массы попахивало так же, как от сладкого творожка. И хоть слюни моментально наполнили

воропаевский рот, распробовать странную “вкуснятину” страшным напряжением воли он себе запретил. Однако, увязаться следом он себе, как ни старался, запретить не мог. И вот люмпен свалился в темный подвал. Но на этом падение не закончилось, еще один нырок, и бетонного пола под животом не стало. Воропаев куда-то провалился, но потом будто резиновые ленты затормозили его, и, совсем застопорив, даже подбросили вверх. В итоге он опустился на что-то мягкое, пружинистое, похожее этими качествами на диван. Воропаев отдыхал недолго, потому что заметил, рука его, точнее, рукав не лежит на месте, кто-то теребит и таскает его. Бомж мысленно обделался от страха несколько раз (физически уже было никак), но чуток успокоился, заметив, что заигрывания с его рукой отчего-то затягиваются. Глаза его привыкли к мраку, слабо разжиженному светом, он даже разобрал очертания монстра, который, видимо, забавлялся с конечностью прежде, чем ее оттяпать. Прослеживаемый в характере хищника садизм вызвал ответное остервенение человека. С воплем: “Жри всерьез или вали отсюда” резанул он вражину острым краем неразлучной консервной банки крест-накрест. Несколько капель освежило ему лицо и губы, а животное фыркнуло и неожиданно затихло. Капли были вкусные, не в силах унять инстинкт съедания ближнего, бомж поддался бурлению в животе. Бурление это прошло волной по мышцам и расправило их. Воропаев, размышляя не больше, чем сомнамбула, навалился на тушку смертельного врага, содрал несколько панцирных щитков, которые на удивление легко поддались, и дикарски впился в мякоть. Она была похожа, даже при очень быстром сжирании, на смесь осетрины и индюшатины, причем вареной. Люмпен хавал (иными словами не назовешь) и откидывался, засыпая; отдремав, снова хавал. И так далее, в этой же незамысловатой последовательности. В один прекрасный момент он обнаружил, что от благородного по гастрономическим и моральным качествам животного осталось только несколько щитков, трубочек и усиков. К этому праздничному событию острота Воропаевского зрения увеличилась настолько, что он ясно различал себя и обстановку вокруг. Бомж был сыт, доволен и больше похож на человека. Физиономия, ранее напоминавшая взъерошенную воблу, перестала шелушиться, там и сям не болело (как полжизни до того), затянулись нарывы в разных частях тела, ушли в темное прошлое чирьи.

Обиталищем Воропаева была яйцевидная полость с жесткими, но теплыми стенками. Пол скрывало что-то похожее на обрезки лент и веревок. Эластичные канаты пробегали помещение вдоль и поперек, уходили вверх, к круглой дыре в

потолке — там, очевидно, был вход-выход. К большой полости примыкало и несколько пещерок помельче. Одна смахивала на камеру хранения. В ней на полочках подрагивали мягкие комочки. А вот в другой, более студеной, в ячейках вылеживалась густая золотистая масса. Воропаев, которому отступать было некуда, макнул в это добро грязный палец и тщательно его облизал. Тщательно, потому что “добро” услаждало и распрямляло скрюченную душу бомжа. Набрав полную консервную банку странной вкуснятины, Воропаев вернулся в главную полость, горделиво прозванную им “гостиной”, уселся по-турецки на полу и стал, часто купая палец в еде, рассуждать о сытной будущности. Неожиданно поток мечты был прерван хрустом и треском. Воропаев вскочил — силы уже накопились — решил, кто-то собирается заняться им, строго спросить за все. Бомж для начала чуть не задушил себя за то, что не стал рвать когти сразу после закусона. Он ухватился за первый попавшийся канат и попробовал ускользнуть из объятий зла, но тот не выдержал приращенного жратвой веса и лопнул. Воропаев рухнул вниз, как прыгун-неудачник, с проклятьем на устах. Тем временем, в духе наихудших предчувствий, кусок стены вылетел, пустив легкую пыль, и в проем один за другим вползли пятеро. Они обнюхали шелуху, оставшуюся на память от их товарища, и встали полукругом напротив вжавшегося в угол Воропаева, как бы для зачтения приговора. Видавший виды человек упал на колени. Не для того, чтобы вымаливать прощение, а намереваясь самого “широкого в плечах” зверя угостить по затылку. Человек хотел, чтобы твари его не мучили, а кинулись бы скопом и превратили мигом в фарш. Однако, “ударенный”, казалось, был не от мира сего. Он, и заодно его товарищи, испуганно поджав усы, стравили уже известную “творожную массу”. С торжествующим смехом Воропаев набрал полные ладони “творога” и, давясь не от голода, а от ощущения победы, стал жрать. Твари с почтением сложили головы на пол и наблюдали. Воропаев, когда пихать было некуда — столбик жорева дошел до низу — взревел, извергая изо рта потоки. Как же иначе, раз вокруг присутствующие провозглашают его вожаком, может, даже вождем, вроде Чингисхана.

Спустя три месяца мало кто мог нарывающего, гноящегося бомжа признать в элегантном господине Петре Эдуардовиче Воропаеве. Он теперь заводно смеялся двумя рядами сияющих золотых зубов, а из “кадилляка” ему отзывалось эхо девичьих звонких голосков.

Мясные стада, медовые, творожные — все его. Фермы в окрестностях города и за границей, фармацевтические фабрики, лаборатории, где узнается правда об эволюционных фокусах. И

везде у Воропаева контрольный пакет акций. Селекция приносит какие угодно результаты. Выведены поводыри для слепых, сигнальщики для глухонемых и собутыльники для пьющих. Поголовье растет так, как нравится хозяину, ведь новые домашние животные харчят все подряд, от каши до угля, приноравливаясь или мутируя под любую кормежку, вдобавок сами занимаются своим жильем. Серьезные мужчины в английских костюмах: фермеры, биохимики, промышленники слетаются к штаб-квартире Воропаева, как стаи птиц. Они покупают рекордистов (причем, Петр Эдуардович частенько предпочитает чемоданы с наличными) и начинают прибыльные дела, везде, куда может ступить нога человека.

Личная скромность, нехитрый образ жизни, неприхотливость, а также целебность мяса, панциря, слюней, слизи, прочих выделений и отправлений составляют такую рекламу животным (в просторечьи — яшкам), что овцы, коровы и всякие свиньи перестают кого-либо интересовать, за исключением чудаков-аристократов и извращенцев. Бедные страны, потрясенные воропаевским чудом, завязывают с душиловкой и беспортошной нищетой, теперь у тамошних людей на уме — только сочные твари. “Гадов, гадов”,— требует народ у власти, угрожая в случае отказа превратиться в неуправляемое стадо. Богатые местности вообще начинают цвести и пахнуть, кое-где бесятся с жиру, ну а в основном готовятся к поездкам на Венеру и Марс. По всему миру тьмы и легионы граждан решили связать свою судьбу с “дарами природы”. Сановно-чиновное племя плачет — к этим тьмам и легионам уже не присосешься. Доподлинно известно, что денег будет столько, что даже одичавшие куры не станут их клевать.

А осточертевшие порядочным людям хищные наглые монстры были сметены, как крошки со стола, вдруг разлетавшимися суперстрекозами, которые, однако, канули в воду также без предупреждения. В знак признания их заслуг благодарные законодатели навеки запретили басню И.А.Крылова “Стрекоза и муравей”.

Судя по таким делам, приближался Золотой Век.